

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Четвертая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же "первая энциклика Франциска".

1. Свет веры: этим устойчивым выражением традиция Церкви указывает на великий дар, полученный от Иисуса, так говорящего о себе в Евангелии от Иоанна: «Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин 12,46). Те же слова употребляет Св. Павел: «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца» (2 Кор 4,6). В жаждущем света языческом мире развился культ бога Солнца, *sol invictus*, призываемого на восходе. И хотя солнце ежедневно рождается заново, было очевидно, что оно неспособно пролить свет на все бытие человека. Ибо солнце не освещает все сущее, его луч неспособен проникнуть до тени смертной, туда, где человеческое око закрыто для его сияния. «Никто и никогда, – утверждает Иустин Мученик, – не был готов умереть за свою веру в солнце». [1] Сознвая великие горизонты, открытые для них верой, христиане призывают Христа, истинное солнце, «лучи которого дарят жизнь». [2] Марфе, оплакивающей смерть своего брата Лазаря, Иисус говорит: «Не сказал ли я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?» (Ин 11,40). Кто верит – видит; видит благодаря некоему свету, озаряющему всё течение жизни, поскольку он исходит от Христа Воскресшего, незакатной утренней звезды.
Обманчивый свет?

2. Стоит нам, однако, заговорить об этом свете веры, как мы услышим возражения многих наших современников. В наше время принято считать, что подобного света могло быть достаточно для древнего общества, но он ничем не поможет в новые времена человеку повзрослевшему, гордому своим разумом, желающему исследовать будущее по-новому. В этом смысле вера кажется обманчивым светом, который мешает человеку культивировать тягу к знаниям. Молодой Ницше предлагает своей сестре Элизабет отважиться на «новые пути... в беззащитности, которая сопутствует независимости». И добавляет: «Здесь расходятся пути людей: если ты желаешь обрести мир в душе и счастье – верь; если ты желаешь быть учеником истины – вопрошай». [3] Вера как будто исключает поиск. Исходя из этого, Ницше будет развивать свою критику христианства как сужающего сферу человеческой экзистенции, отнимая у жизни все новое и необычное. В таком случае вера оказывается светом ложным, преграждающим нам, свободным людям, дорогу в грядущую вечность.

3. Так постепенно вера стала ассоциироваться с темнотой. Полагая, что это поможет ее сохранить, ей старались подыскать место, дабы она уживалась со светом разума. И пространство для веры открывалось там, куда свет разума не дотягивался, там, где человек не мог больше сохранять безусловную уверенность. Тогда веру стали воспринимать как прыжок в пустоту, который мы совершаем из-за нехватки света, подталкиваемые слепым чувством, или же как свет субъективный, возможно способный согреть сердце, принести личное утешение, но его нельзя предложить другим в качестве света объективного и всеобщего для прояснения поприща. Мало-помалу, однако, выяснилось, что свету независимого разума не удастся в полной мере прояснить будущее, в итоге оно по-прежнему скрыто во мраке, и человек остается в страхе перед неизвестностью. И так человек отрекся от поиска великого света, великой истины, чтобы довольствоваться огоньками, вспыхивающими на миг, но неспособными указать дорогу. Когда не хватает света, все теряет очертания, и невозможно отличить добро от зла, дорогу, ведущую к цели от той, что водит нас по кругу, без всякого направления.

Свет, открываемый заново

4. Поэтому действительно необходимо, чтобы характеристика света была вере возвращена, поскольку, когда ее пламя гаснет, иные светочи тоже лишаются своей силы. Свет веры обладает на поверку уникальной особенностью: освещать все бытие человека целиком. Столь мощный свет не может исходить от нас самих, он должен проистекать из источника самого что ни на есть изначального, должен исходить, в конечном счете, от Бога. Вера рождается от встречи с Богом живым, который призывает нас и открывает свою любовь; ту любовь, что нам предшествует, и на которую мы можем опереться, чтобы быть стойкими и созидать жизнь. Преображенные этой любовью, мы начинаем смотреть на все новыми глазами и ощущаем, что в ней заключено великое обещание

птая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof полноты [бытия], и она открывает нам образ будущего. Вера, которую мы получаем от Бога как сверхъестественный дар, изливается светом на дорогу, светом, направляющим наш путь во времени. С одной стороны, он идет из прошлого, это свет некой фундаментальной памяти, сияние жизни Иисуса, где проявляется его любовь, целиком достойная доверия, способная победить смерть. Но в то же время, так как Христос воскресший влечет нас за пределы смерти, вера есть свет, идущий из будущего, открывающий перед нами обширные горизонты и выводящий нас за рамки изолированного «я» к просторам общения. Воспримем же веру не как обитающую во мраке, она сама есть свет для наших потемок. Данте в «Божественной Комедии», исповедовав свою веру перед св. Петром, описывает ее так: «искра здесь живая, / Чье пламя разрослось, пыланьем став / И, как звезда небес, во мне сверкая».[4] Именно об этом свете веры я и хотел бы поговорить, дабы он рос, озаряя настоящее, до того как сделается звездой, указывающей горизонты нашего странствия, в то время, когда человек особенно нуждается в свете.

5. Накануне своих страстей Господь заверяет Петра: «Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя» (Лк 22,32). Затем он просит «утвердить братьев» в той самой вере. Сознывая задачу, ввереную Преемнику Петра, я [Бенедикт XVI] пожелал объявить этот Год веры, время благодати, которое помогло бы нам почувствовать великую радость веровать, заново воспринять необъятные горизонты, которые вера открывает нам, чтобы мы исповедовали ее в единстве и целостности, верные воспоминанию о Господе, укрепляемые его присутствием и действием Святого Духа. Убежденность веры, делающая жизнь великой и полной, в центре которой Иисус и сила его благодати, воодушевляла миссию первых христиан. В «Актах мучеников» мы читаем такой диалог между римским префектом Рустиком и христианином Гиераксом: «Где твои родители?» – спрашивал судья мученика, и тот ответил: «Наш истинный отец – Христос и наша мать – вера в Него».[5] Для этих христиан вера как встреча с Богом живым, явленным во Христе, была своего рода «матерью», поскольку помогла им «явиться на свет», порождая в них божественную жизнь, новый опыт, новый просветленный взгляд на бытие, о чем они были готовы публично свидетельствовать до самого конца.

6. Начало Года веры имело место в 50-летнюю годовщину открытия Второго Ватиканского Собора. Это совпадение позволяет нам увидеть, что Ватикан II стал Собором о вере[6], поскольку он призвал нас вновь поместить в центр нашей церковной и личной жизни первенство Бога во Христе. Ибо Церковь никогда не считает веру само собой разумеющимся фактом, но знает, что этот дар Божий следует питать и укреплять, дабы он продолжал направлять ее путь. Второй Ватиканский Вселенский Собор заставил веру озарить изнутри человеческий опыт, проходя для этого путями современного человека. Таким образом, стало очевидно, как обогащает вера человеческое существование во всех его измерениях.

7. Эти размышления о вере, в согласии со всем тем, что Учительство Церкви объявило об этой богословской добродетели[7], соединяются с написанным Папой Бенедиктом XVI в энцикликах о любви и надежде. Он уже практически закончил первую редакцию данной энциклики о вере. Я благодарю его сердечно и, в духе братства во Христе, принимаю его драгоценный труд, добавив к тексту несколько собственных размышлений. Преемник Петра вчера, сегодня и всегда призван «утверждать братьев своих» в безмерном сокровище веры, которую Бог посылает как свет на дорогу каждого человека.

В вере, даре от Бога, сверхъестественной добродетели, Им вдохновленной, мы признаем, что нам дана великая Любовь, что к нам обращено благое Слово, и что, если мы примем это Слово, которое есть Иисус Христос, Слово, ставшее плотью, Святой Дух преобразит нас, озарит наш путь в будущее и окрылит нашу надежду пройти его с радостью. Вера, надежда и любовь в удивительном переплетении создают динамику существования христианина, его движение к общению с Богом в полноте. Каков путь, который открывает нам вера? Откуда исходит ее мощный свет, позволяющий осветить дорогу совершенной и плодотворной жизни? (Франциск)

Мы уверовали в любовь

(ср. 1 ин 4,16)

Авраам, наш отец по вере

8. Вера прокладывает нам путь и направляет нашу поступь в истории. Вот почему, если мы хотим понять, что такое вера, нам нужно проследить ее маршрут, путь верующих людей, засвидетельствованный, прежде всего, в Ветхом Завете. И особое место здесь занимает Авраам, наш отец по вере. В его жизни происходит нечто невообразимое: Господь обращает к нему Слово, открывает себя как Бог, который говорит [с человеком] и называет его по имени. Вера сопряжена со слушанием. Авраам не видит Бога, но слышит его голос. Таким образом, вера приобретает индивидуальный характер. Бог проявляется, следовательно, не как божество местное или связанное с неким сакральным временем, но как Бог личности, а именно Бог Авраама, Исаака и Иакова, способный вступить в контакт с человеком и заключить с ним завет. Вера есть ответ на Слово, вопрошающее лично, то есть ответ, адресованный «Ты», что зовет нас по имени.

9. Суть того, что Слово говорит Аврааму, заключается в призыве и обещании. Это, прежде всего, призыв выйти из своей земли, приглашение открыться новой жизни, начать исход, который ведет его к непредсказуемому будущему. Мироззрение, которое вера даст Аврааму, будет всегда связано с этим шагом вперед: вера «видит» по мере того, как продвигается, вступая в открытое пространство Слова Божия. Наряду с этим Слово содержит обетование: семья твоя умножится, ты станешь отцом великого народа (Быт 13,16; 15,5; 22,17). Поистине, являясь ответом на предваряющее Слово, вера Авраама всегда останется актом памяти. Однако эта память не фиксируется на прошлом, но, будучи памятью об обетовании, в состоянии раздвинуть завесу будущего, быть светом в дороге. Отсюда видно, как вера, являясь памятью о будущем, памятью потомков, теснейшим образом связана с надеждой.

10. И от Авраама требовалось довериться этому слову. Вера сознает, что слово, реальность как будто эфемерная и преходящая, в устах Бога верно становится самой что ни на есть надежной и нерушимой, что делает возможным непрерывность нашего пути во времени. Вера принимает это Слово как надежную скалу, на прочном фундаменте которой можно созидать. Потому в Библии вера обозначается еврейским словом 'emuna (эмуна), происходящим от 'aman, корень которого означает «поддерживать». Термин 'emuna может означать как верность Бога, так и веру человека. Человек верующий приобретает свою силу, вверяясь в руки Бога верного. Играя на двух значениях слова, имеющих также в соответствующих терминах на греческом (pistos) и латыни (fidelis), св. Кирилл Иерусалимский превозносит достоинство христианина, получившего имя самого Бога, оба названы «верными». [8] Св. Августин объяснит это так: «Верный человек полагается на обещания Бога, Бог верный дарует обещанное человеку». [9]

11. Последний аспект истории Авраама важен для понимания его веры. Из того, что слово Божие несет в себе новизну и неожиданность, вовсе не следует, что Патриарху оно чуждо. В голосе, который обращается к нему, Авраам распознает призыв, от века глубоко запечатленный в самом его сердце. Бог связывает свое обетование с той сферой бытия человека, что извечно подает ему надежды: это отцовство, зарождение новой жизни – : «Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак» (Быт 17,19). Тот Бог, что требует от Авраама полностью довериться ему, открывает себя как источник всякой жизни. Таким образом, вера устанавливает связь с Отцовством Бога, в котором берет начало всё творение: Бог, призывающий Авраама, это Бог-творец, который «не сущее нарекает сущим» (Рим 4,17), тот, что «избрал нас в Нем прежде создания мира... предопределив усыновить нас Себе» (Еф 1,4-5). Для Авраама вера в Бога озаряет глубочайшие основы его [бытия], позволяя ему распознать источник блага, лежащий в основе всех вещей, и подтверждая, что его жизнь возникает не из ничего и не по воле случая, но из личного призыва и любви. Бог сокровенный, призвавший его, не чуждый Бог, но тот, кто есть начало всего и кем все держится. Великое испытание веры Авраама,

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosofa жертвоприношение сына Исаака, покажет насколько эта исконная любовь в состоянии гарантировать жизнь даже за пределом смерти. Слово, сумевшее зародить сына в его теле «как бы мертвом» и в «омертвевшем лоне» бесплодной Сары (Рим 4,19), способно исполнить обетование о будущем не смотря на угрозы и опасности (Евр 11,19; Рим 4, 21).

Вера Израиля

12. История народа израилева в книге Исхода идет по стопам веры Авраама. Вера снова рождается из первоначального дара: Израиль вверяет себя действию Бога, желающего освободить свой народ из пучины бедствий. Вера призвана к долговому пути, чтобы поклониться Господу на Синае и наследовать землю обетованную. Божественная любовь имеет образ отца, несущего сына своего на всем пути (Втор 1,31). Исповедание веры Израилем разворачивается как рассказ о благодеяниях Бога, его действиях по освобождению и наставлению народа (Втор 26,5-11), рассказ, передаваемый народом из поколения в поколение. Свет Бога сверкает для Израиля сквозь память о деяниях Господа, поминаемых и исповедуемых в культе, передаваемых от отцов детям. Так мы узнаем, что свет, исходящий от веры, связан с конкретным рассказом о жизни, с благодарной памятью о милостях божьих и последовательным исполнением его обетований. Это прекрасно иллюстрирует готическая архитектура: в просторных соборах свет проникает с неба сквозь витражи, где изображаются события священной истории. Свет Бога идет к нам через рассказ о его откровении и тем самым озаряет наш путь во времени, напоминая о божественных благодеяниях и демонстрируя, как его обещания исполняются.

13. В истории народа Израиля мы также встречаем искушения неверностью, в которые он неоднократно впадал. Противоположностью веры выступает здесь идолопоклонство. Пока Моисей говорит с Богом на Синае, народ не выносит тайны скрытого лика Божия, не выдерживает ожидания. Вера по своей природе требует отказаться от непосредственного обладания, как будто даруемого виденьем, она – призыв открыться источнику света, соблюдая собственную тайну Лика, желающего открывать себя персонально и в надлежащее время. Мартин Бубер цитирует определение идолопоклонства, предложенное раввином Коком: идолопоклонство имеет место «когда одно лицо благоговейно обращается к другому лицу, которое лицом не является»[10]; когда вместо веры в Бога предпочитают поклоняться идолу, чей образ определен и чье происхождение известно, поскольку он изготовлен нами же. С идолом нет риска, что последует призыв, заставляющий пожертвовать своей безопасностью, поскольку идолы «имеют уста и не говорят» (Пс 115,5). Следует понимать, что идол – это некий предлог для того, чтобы поместить самих себя в центр реальности, поклоняясь делу рук своих. Человек, утратив фундаментальный ориентир, дающий целостность его существованию, теряет себя во множестве страстей, не желая ждать обетованного часа, он дробится на тысячу мигнов своей истории. Поэтому идолопоклонство – это всегда многобожие, нескончаемое движение от одного господина к другому. Идолопоклонство предлагает не путь, но множество тропинок, не ведущих к определенной цели и складывающихся, скорее, в лабиринт. Кто не хочет довериться Богу, должен слушать голоса многих идолов, вопящих: «Доверься мне!». Вера, в силу того, что она связана с обращением, противоположна идолопоклонству, это отторжение от идолов, чтобы вернуться к Богу живому посредством личной встречи. Верить означает предаться милосердной любви, всепринимательной и всепрощающей, которая поддерживает и направляет наше существование и во многом может выправить искривления нашей истории. Вера есть готовность снова и снова быть преобразованным призывом Господа. Вот парадокс: постоянно прибегая к Господу, человек обретает твердую дорогу, освобождающую его от беспорядочного движения, на которое обрекают идолы.

14. В вере Израиля выделяется также фигура Моисея, посредника. Народ не может видеть лик Бога, Моисей говорит с УНН на горе и открывает всем волю Господа. Так, при участии посредника, Израиль научился двигаться как одно целое. Акт веры одного человека проникает в общину, в общее «мы» народа, который в вере является как бы одним человеком, «первенец Мой» называет Бог весь Израиль (Исх 4,22). Посредничество оказывается здесь не преградой, но открытием: при встрече с другими глаза открываются для истины более великой, чем мы сами. Жан-Жак Руссо сетовал, что не может видеть Бога лично: «Сколько людей между Богом и мной!»[11] «Разве это так просто и

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философически естественно, что Богу приходится идти за Моисеем, чтобы поговорить с Жан-Жаком Руссо?»[12] Исходя из концепции познания индивидуалистической и ограниченной, невозможно понять смысл посредничества, этой способности участвовать в видении других, невозможно знание разделяемое, свойственное любви. Вера – безвозмездный дар Бога, требующий смирения и мужества доверять и доверяться, дабы увидеть тот сияющий путь на котором встречаются Бог и люди – историю спасения.

Полнота христианской веры

15. «Авраам [...] ликовал в надежде увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Ин 8,56). Согласно этим словам Иисуса, вера Авраама была ориентирована на Него, была в определенном смысле предвидением его тайны. Так их понимал св. Августин, когда утверждал, что Патриархи спасены по вере, не вере в Иисуса уже пришедшего, но по вере во Христа, чей приход ожидался, вера влечется к грядущему событию [пришествия] Иисуса.[13] Христианская вера имеет свой удел во Христе, она исповедует, что Иисус есть Господь, коего Бог воскресил из мертвых (Рим 10,9). Все сюжетные линии Ветхого Завета сводятся ко Христу, Он становится решающим «да» для всех обетований, фундаментом нашего финального «Аминь» Богу (2 Кор 1,20). История Иисуса есть предельная манифестация того, что Бог заслуживает доверия. Если Израиль перебирал в памяти грандиозные проявления божественной любви, что образывало центр его вероисповедания и создавало его представление о вере, теперь жизнь Иисуса является как бы местом решительного вмешательства Бога, высшим проявлением его любви к нам. То, что Бог возвещает нам в Иисусе – это не слово, одно из многих, но его вечное Слово (Евр1,1-2). Нет никакого залога более великого, какой Бог мог бы дать, чтобы заверить в своей любви, как напоминает св. Павел (Рим 8,31-39). Христианская вера есть, следовательно, вера в совершенную Любовь, в ее действенную силу, в ее способность изменить мир и озарить времена. «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог» (1 Ин 4,16). Вера принимает в любви Бога, явленной в Иисусе, основу реальности и ее окончательное предназначение.

16. Высшее доказательство нерушимой любви Христа обнаруживается в его смерти за человека. Если отдать жизнь за друзей есть предельное испытание любви (Ин 15,13), то Иисус свою принес в дар за всех, даже за бывших ему врагами, дабы преобразить сердца. По этой причине евангелисты час Креста полагают вершиной, куда вера устремляет взгляд, поскольку в сей час возсияло величие и открылась глубина божественной любви. Св. Иоанн помещает здесь свое торжественное свидетельство, когда вместе с Матерью Иисуса взирает на Того, Которого пронзили (Ин 19,37): «И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили» (Ин 19,35). Ф. М. Достоевский в своем произведении «Идиот» заставляя главного героя, князя Мышкина, сказать при виде изображения мертвого Христа в гробнице, работы Ганса Гольбейна Младшего: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!»[14] Картина и впрямь весьма безжалостно изображает разрушительное действие смерти на тело Христа. И тем не менее, именно в созерцании смерти Иисуса вера укрепляется и наполняется дивным сиянием, когда она проявляется как вера в его неколебимую любовь к нам, которая способна пойти на смерть, чтобы спасти нас. В эту любовь, которая не уклонилась от смерти, чтобы показать, насколько сильно я любим, можно верить; ее тотальность побеждает всякое подозрение и позволяет нам полностью довериться Христу.

17. Именно смерть Христа в свете его Воскресения раскрывает абсолютную подлинность Божией любви. Будучи воскресшим, Христос – надежный свидетель, достойный доверия (Откр 1,5; Евр 2,17), надежная опора для нашей веры. «Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна», – объявляет св. Павел (1 Кор 15,17). Если любовь Отца не воскресила бы Христа из мертвых, если бы не сумела заново вдохнуть жизнь в его тело, тогда она не была бы любовью, всецело заслуживающей доверия, способной рассеять даже мрак смерти. Когда св. Павел говорит о своей новой жизни во Христе, он ссылается на веру «в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал 2,20). Эта «вера в Сына Божия», несомненно, является верой Апостола народов в Иисуса, но подразумевает еще и надежность Иисуса, которая опирается, да, на его любовь вплоть до смерти, но также на его бытие Сыном Божиим. Именно потому,

птая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска *filosof* что Иисус есть Сын, поскольку он абсолютно укоренен в Отце, он смог победить смерть и заставить жизнь воссиять во всей полноте. Наша культура утратила восприимчивость к конкретному присутствию Бога, к его действию в мире. Мы думаем, что Бог находится лишь где-то там, на ином уровне реальности, далекий от наших конкретных нужд. Но если бы это было так, если бы Бог был неспособен действовать в мире, его любовь не была бы на самом деле могущественной, действительно реальной, и, следовательно, ни в коем случае не была бы любовью истинной, способной исполнить то счастье, что обещает. Верить или не верить в Него было бы тогда совершенно безразлично. Христиане, напротив, исповедуют любовь Бога конкретную и могущественную, которая поистине действует в истории и определяет ее конечную судьбу, любовь, сделавшаяся досягаемой, открывшаяся в полной мере в Страстях, Смерти и Воскресении Христа.

18. Полнота, которую Иисус приносит вере, имеет другой решающий аспект. В вере Христос – не только тот, в кого мы веруем, предельная манифестация любви Бога, но и тот, с кем мы соединяемся, дабы верить. Вера не только взирает на Иисуса, но смотрит с точки зрения Иисуса, его глазами: это участие в его способе видеть. Во многих областях жизни мы доверяем другим людям, разбирающимся в чем-то лучше, чем мы. Мы доверяем архитектору, строящему наш дом, фармацевту, подающему лекарство для излечения, адвокату, защищающему нас в суде. Мы также нуждаемся в ком-то, кто был бы сведущ в вопросах Бога. Иисус, его Сын, заявляет о себе как тот, кто показывает нам Бога (Ин 1,18). Жизнь Христа, его способ постигать Отца, жить в тесной связи с ним, открывает новое пространство для человеческого опыта, и мы можем в него вступить. Св. Иоанн ясно выразил, насколько для нашей веры важны личные отношения с Иисусом при помощи различного употребления глагола «верить». Вместе с «верить», что истинно то, что Иисус говорит нам (Ин 14,10; 20,31), Иоанн использует выражения «верить Иисусу» и «верить в Иисуса». «Мы верим» Иисусу, когда принимаем его Слово, его свидетельство, поскольку оно правдиво (Ин 6,30). «Мы верим в» Иисуса, когда принимаем лично его в свою жизнь и вверяемся Ему, поклоняясь Ему в любви и следуя за Ним в пути (Ин 2,11; 6,47; 12,44).

Чтобы дать нам возможность познать его, принять и пойти за ним, Сын Божий принял нашу плоть, и тем самым его виденье Отца сделалось также человеческим, посредством пути и следования во времени. Христианская вера в Воплощение Слова есть также вера в его во плоти Воскресение. Это вера в Бога, который сделался так близок, что вошел в нашу историю. Вера в Сына Божия, ставшего человеком в Иисусе Назаретине, не отделяет нас от реальности, но позволяет воспринять ее высшее значение, открыть, насколько Бог любит этот мир и неуклонно направляет его к Себе, и это требует от христианина усерднее подвизаться на земном пути.

Спасение через веру

19. Опираясь на причастность мировоззрению Иисуса, апостол Павел оставил в своих трудах описание бытия верующего. Тот, кто верит, с принятием дара веры преобразуется в новое творение, получает новую, сыновнюю природу, делается сыном в Сыне. «Авва, Отче» – слово, наиболее характерное для жизни Иисуса, и оно занимает особое место в опыте христианском (Рим 8,15). Жизнь в вере, являясь бытием сыновним, есть признание дара изначального и абсолютного, лежащего в основе существования человека, и суть его резюмируется словами св. Павла к Коринфянам: «Что ты имеешь, чего бы не получил?» (1 Кор 4,7). На этом сосредоточена полемика св. Павла с фарисеями, дискуссия о спасении через веру или через дела закона. Что св. Павел отвергает совершенно, так это логику того, кто желает оправдаться перед Богом своими поступками. Даже если он послушен заповедям, даже если творит добрые дела, он ставит в центр самого себя и не признает Бога первопричиной блага. Кто так поступает, кто желает быть источником собственной праведности, видит, насколько быстро она иссякает, так что он не может удержаться даже в верности закону. Он замкнут, изолирован от Бога и других людей, поэтому его жизнь становится пуста, а дела бесплодны, подобно дереву в удалении от вод. Св. Августин коротко и метко выражает это так: «Ab eo qui fecit te noli deficere nec ad te», – «От того, кем ты создан, не удаляйся, даже идя к себе».[15] Когда человек думает, что, уходя от Бога, он найдет самого себя, его существование приходит в упадок (Лк

птая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска *filosof* 15,11-24). Начало спасения в том, чтобы открыться некоему предшествующему, исконному дару, который утверждает жизнь и сохраняет бытие. Только открывшись этому первоисточнику и признавая его, мы можем преобразиться, дабы спасение действовало в нас, наделяя плодотворной жизнью полной всяческого блага. Спасение через веру состоит в осознании первенства дара Божия, как резюмирует св. Павел: «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар» (Еф 2,8).

20. Новая логика веры зиждется на Христе. Вера во Христа спасительна для нас, поскольку в Нем жизнь до основания открывается Любви, предваряющей и преобразующей нас, действующей в нас и вместе с нами. Это очевидно явствует из толкования, которое Апостол народов дает на текст из Второзакония, толкования, выводящего на более высокий уровень понимания Ветхого Завета. Моисей говорит народу, что заповедь Бога не выше человека и не слишком далека от него. Не нужно говорить: «кто взойдет бы для нас на небо и принес бы ее нам» или «кто сходил бы для нас за море и принес бы ее» (Втор 30,11-14). Эта близость Слова Божия понимается св. Павлом как присутствие Христа в христианине: «Не говори в сердце твоём: кто взойдет на небо? то есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести» (Рим 10,6-7). Христос сошел на землю и воскрес из мертвых; своим Воплощением и Воскресением Сын Божий объял весь путь человека и обитает в наших сердцах посредством Святого Духа. Вера знает, что Бог соделался чрезвычайно близок нам, что Христос был нам дан как дар великий, который преобразует нас изнутри, пребывает в нас и тем самым подает нам свет, озаряющий начало и конец жизни, весь ход жизненного пути человека.

21. Так мы можем понять новизну, к которой вера ведет нас. Верующий преобразуется Любовью, которой он открылся в вере, и, открываясь этой дарованной ему Любви, его бытие превосходит само себя. Св. Павел мог утверждать: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2,20), и увещевал: «верою вселиться Христу в сердца ваши» (Еф 3,17). В вере «я» верующего расширяется, чтобы в нем обитал Другой, дабы жить в Другом, и так его жизнь возрастает в Любви. В этом и заключается действие Святого Духа. Христианин может иметь очи Христа, его чувствования, его сыновнюю приверженность, потому что соделался причастен его Любви, которая есть Дух. И в ней он получает в некотором роде то зрение, которым обладает Иисус. Вне этого строя Любви, вне присутствия Духа, вселяющего ее в наши сердца (Рим 5,5), невозможно исповедовать Иисуса как Господа (1 Кор 12,3).

Церковный облик веры

22. Таким образом, бытие верующего становится бытием церковным, экклезиальным. Когда св. Павел говорит с христианами Рима о том едином теле, каким являются все верующие во Христе, он увещевает их не превозноситься, наоборот, всякий должен оценивать себя «по мере веры, какую каждому Бог уделил» (Рим 12,3). Верующий учится видеть самого себя, исходя из веры, которую исповедует: образ Христа – это зеркало, в коем он обнаруживает собственный завершённый облик. И как Христос объемлет в себе всех верующих, образующих его тело, христианин осознает себя в этом теле, в изначальной связи со Христом и братьями по вере. Образ тела не желает свести верующего к роли безымянной части некоего целого, детали какого-то большого механизма, но скорее подчеркивает жизненное единство Христа с верующими и всех верующих между собой (Рим 12,4-5). Христиане суть «одно» (Ср. Гал 3,28), без потери своей индивидуальности и в служении другим каждый достигает полноты собственного бытия. Тогда становится понятно, почему вне этого тела, этого единства Церкви во Христе, той Церкви которая, по словам Романо Гвардини «есть историческая носительница всеохватного взгляда Христа на мир», [16] вера теряет свою «меру», не находит равновесия, необходимого для поддержания самой себя. Вера имеет форму необходимо церковную, исповедуется внутри тела Христова как конкретной общины верующих. Именно из церковной среды вера открывает каждого христианина всем людям. Слово Христа, единожды услышанное, своей собственной силой обращается у христианина в ответ и само становится словом изреченным – исповеданием веры. Св. Павел утверждает: «сердцем веруют [...], а устами исповедуют ко спасению» (Рим 10,10). Вера не является личным делом, индивидуальным концептом, субъективным мнением, но рождается из слушания и предназначена провозглашаться и стать вестью. Поистине, «как веровать [в

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof
Того], о Ком не слышали? как слышать без проповедующего?» (Рим 10,14). Вера действует в христианине, исходя из полученного дара, из Любви, влекущей ко Христу (Гал 5,6) и делает его соучастником пути Церкви, странствующей в истории до ее свершения. У того, кто изменился подобным образом, открывается новое мировоззрение, вера делается светом его очей.

Глава вторая

Если не уверуете, не уразумеете

(ср. ис 7,9)

Вера и истина

23. Если не уверуете, не уразумеете (ср. Ис 7,9). Так Септуагинта, греческий перевод еврейской Библии, осуществленный в Александрии Египетской, передает слова пророка Исайи, обращенные к царю Ахазу. Предполагается, что вопрос понимания истины должен быть ключевым вопросом веры. Однако в еврейском тексте мы читаем нечто иное. Там пророк говорит царю: «Если не уверуете, не устоите». Здесь имеет место игра слов с двумя формами глагола 'aman: "уверуете" (ta'amīnu) и «устоите» (te'amenu). Устрашенный мощью своих врагов, царь ищет безопасности в союзе с великой Ассирийской империей. И тогда пророк призывает его довериться той истинной скале, что одна лишь не пошатнется, Богу Израиля. Поскольку Бог заслуживает доверия, благоразумно ввериться Ему, основывая свою безопасность на его слове. Это тот Бог, незыблемый фундамент верности завету, которого Исайя потом дважды называет «Богом истины» (ср. Ис 65,16). Можно подумать, что греческая Библия перевода «устоите» как «поймете» полностью изменила текст, передавая библейскую концепцию доверия Богу через греческое понимание. Однако этот перевод, хотя и несомненно устанавливает диалог с эллинистической культурой, не противоречит динамичному и глубокому смыслу еврейского текста. В сущности, несокрушимость, которую Исайя обещает царю, исходит из понимания деяний Бога и того единства, которое Он приносит в жизнь человека и историю своего народа. Пророк призывает постичь пути Господа, прозревая в верности Бога мудрый замысел, управляющий веками. Св. Августин обобщает значение слов «понимать» и «устоять» в своей «Исповеди», когда говорит об истине, которой могут довериться те, кому нужна почва под ногами: «Тогда я встану и утвержусь в Тебе, в образе моем, в истине Твоей». [17] Из контекста мы знаем, что желанием св. Августина было продемонстрировать, каким образом эта достойная доверия истина Бога – как это следует из Библии – означает его неизменное присутствие в ходе истории, его способность связывать времена, собирая рассеянные дни человека [18].

24. Прочтение в этом свете отрывка из книги Исайи приводит к следующему наблюдению: человек нуждается в понимании, нуждается в истине, потому что если истины нет, то ему не на что опереться, некуда идти. Вера без истины не спасает и не дает защищенности. Она остается лишь красивой сказкой, проекцией нашего стремления к счастью, и удовлетворяет нас лишь настолько, насколько мы хотим быть обманутыми. Или же сводится к прекрасноту, конечно, приятному и утешительному, но подверженному перепадам нашего настроения, превратностям судьбы и не способному поддержать на дороге жизни. Будь вера такова, царь Ахаз был бы прав, не рискнув играть своей жизнью и безопасностью государства под влиянием эмоций. Но именно в силу своей связи с истиной вера способна привнести [в ситуацию] новый свет, превосходящий расчеты царя, поскольку она видит дальше и ведает деяния Бога, верного своему завету и своим обетованиям.

25. Восстановить связь веры с истиной сегодня как никогда необходимо, именно вследствие кризиса истины, постигнувшего нас. В современной культуре существует тенденция принимать за истину лишь то, что касается технологий; истинно лишь то, что человек может построить и измерить при помощи своих знаний, поскольку это работает и делает жизнь удобнее и легче. Вот на сегодня единственная несомненная истина, лишь ей можно делиться с другими, только она достойна обсуждения и всеобщего признания. С другой стороны мы имеем дело с истиной отдельно взятого человека, состоящей в том, чтобы быть

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска *filosof* самим собой в отношении чего-то, что каждый ощущает внутри себя; ее значение сугубо индивидуально, и ее нельзя предложить другим, думая послужить общему благу. Истина великая, истина, объясняющая в совокупности и личную, и общественную жизнь, возбуждает подозрение. Не та ли это истина – спрашивают себя, – на которую претендовали крупнейшие тоталитарные системы минувшего века, навязывающая собственные взгляды на все, чтобы стереть историю отдельного человека? И тогда остается только релятивизм, которому вопрос об истине всего сущего, являющийся по сути своей вопросом о Боге, больше не интересен. В таком случае объяснимо желание разорвать взаимосвязь между религией и истиной, поскольку в ней будто бы находится корень фанатизма, желающего подавить всякого, кто не разделяет его воззрений. И в этой связи мы можем сказать, что современный мир страдает большой забывчивостью. Ибо вопрос об истине – это вопрос памяти, глубокой памяти, потому что он обращен к тому, что нам предшествует, и тем самым способен объединить нас за пределами нашего маленького и ограниченного «я». Это вопрос об истоках всего, в свете которого можно разглядеть цель и в то же время смысл общего пути.

Познание истины и познание любви

26. В такой ситуации может ли христианская вера послужить общему благу при выборе верного подхода к постижению истины? Чтобы ответить, необходимо задуматься о том, какого рода познание присуще вере. Нам может помочь высказывание св. Павла, который утверждает: «Сердцем веруют» (Рим 10,10). В Библии сердце является центром человека, где соединяются все свойства его природы: тело и дух, внутренний мир личности и ее открытость остальному миру, ум, воля, эмоции. И если сердце способно удержать эти измерения вместе, так это потому, что в нем мы обращены к истине и любви, позволяя им коснуться нас и полностью преобразить. Вера преобразует всего человека в той мере, в какой он открывается любви. В таком переплетении с любовью заключается форма познания, присущая вере, ее сила убеждения, способность дать свет нашим шагам. Вера познает в зависимости от того, насколько она сопряжена с любовью, в той мере, в какой сама любовь приводит к свету. Знание веры – это то, что рождается, когда мы принимаем великую любовь Бога, преобразующую нас изнутри и дарующую нам новое зрение, новый взгляд на реальность.

27. Есть известное замечание философа Людвига Витгенштейна о том, как вера связана с достоверностью. Верить, на его взгляд, – все равно, что быть влюбленным, как если бы речь шла о чем-то субъективном, неприемлемом в качестве истины, значимой для всех. [19] Современному человеку кажется, что любовь не имеет ничего общего с реальностью. Любовь сегодня считается опытом, связанным исключительно с непостоянным миром чувств, но никак не с истиной.

Но справедливо ли такое описание любви? Любовь в действительности не может сводиться к чувству, которое приходит и уходит. Да, эмоции ей необходимы, но именно затем, чтобы открыться любимому человеку, так она находит дорогу к выходу из собственного «я» и сближается с другой личностью, чтобы строить прочные отношения. Любовь требует единения с любимым человеком. И это указывает на то, почему она нуждается в союзе с истиной. Только основанная на истине любовь может сохранять постоянство, преодолевая суетный миг и оставаясь прочной, чтобы служить опорой совместному пути. Если любовь не связана с истиной, она подвержена перемене чувств и не выдерживает испытание временем. Подлинная любовь, напротив, объединяет все элементы нашей личности и делается новым светом на пути к более великой и насыщенной жизни. Без истины любовь не образует крепких уз, она не способна ни избавить «я» от одиночества, ни освободить его из под власти скоротечного мгновения для жизни созидательной и плодотворной.

Если любовь нуждается в истине, то истина тоже нуждается в любви. Любовь и истина неразделимы. Лишенная любви истина становится холодной, безличной и угнетающей, когда распространяется на реальную человеческую жизнь.

Истина, в которой мы нуждаемся, которая придает смысл нашим поступкам,

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска *filosof* озаряет нас через прикосновение любви. Кто любит – понимает, что любовь является опытом истины, собственно, она и открывает нам глаза, поскольку в единении с любимым человеком весь мир предстает в новом свете. В этом смысле св. Григорий Великий пишет, что «*amor ipse notitia est*», любовь сама есть знание, она несет с собой новую логику.[20] Речь идет о совокупном видении мира, которое дается взаимным познанием, когда смотришь на вещи глазами другого и общим взглядом на все. Гийом де Сен-Тьерри во времена Средневековья следует этой традиции, комментируя стих из «Песни Песней», где влюбленный говорит возлюбленной: «глаза твои голубиные» (ср. Песн 1,15).[21] Пара этих глаз, поясняет Гийом, это верующий разум и любовь, становящиеся единым взором, дабы созерцать Бога, когда рассудок делается «умом озаренной любви».[22]

28. Это понимание любви как источника познания, принадлежащего исконному опыту всякого человека, находит авторитетное выражение в библейской концепции веры. Вкусив любви, с которой Бог его избрал и произвел из него народ, Израиль приходит к пониманию единства божественного замысла, от истока до свершения. Веропознание, будучи рожденным из любви Бога, установившего Завет, является знанием, освещающим путь в истории. В частности поэтому истина и верность в Библии тесно связаны: Бог истинный есть Бог верный, Тот, кто держит свои обещания и позволяет с течением времени понять его замысел. Через пророков, в муке изгнания и надежде окончательного возвращения к святому граду, Израиль ощутил, что эта Божия истина простирается за пределы его собственной истории, чтобы охватить историю всего человечества со дня творения. Веропознание озаряет не только путь отдельного народа, но всего сотворенного мира, от его начала и до конца.

29. Именно потому, что познание веры неотделимо от завета с Богом верным, связавшим себя с человеком узами любви и обращающим к нему Слово, оно представлено в Библии как слушание, восприятие на слух. Св. Павел употребляет формулу, ставшую классической: *fides ex auditu*, «вера от слышания» (Рим10,17). Знание, связанное со словом, всегда есть знание личное, оно узнаёт голос, открывается ему в свободе и следует в послушании. Поэтому св. Павел говорил о «покорности веры» (ср. Рим 1,5; 16,26; Синод.14,25).[23] Кроме того, веропознание разворачивается во времени, так как изреченному слову необходимо время; то есть это познание, получаемое не иначе как в процессе пути. И образ слушания помогает обнаружить связь между познанием и любовью.

В том, что касается познания истины, слушание порой противопоставляется видению, свойственному греческой культуре. Свет, хотя и дарит, с одной стороны, визуальное восприятие всякой вещи, к чему человек всегда стремится, с другой – как будто не оставляет пространства для свободы, поскольку нисходит с небес и напрямую достигает глаза, не ожидая отклика у зрения. Помимо этого, он словно побуждает к статичному созерцанию, отделенному от конкретного времени, в котором человек радуется и страдает. По этой концепции, библейский подход к познанию, казалось бы, противоположен греческому, связывающему в поиске совершенного понимания реальности познание со способностью зрения.

Очевидно, однако, что это предполагаемое противоречие не соответствует библейскому повествованию. Ветхий Завет комбинирует оба типа познания, поскольку слушание Слова Божия сочетается с желанием видеть Его лик. Таким образом, становится возможен диалог с эллинистической культурой, диалог, важный для понимания сущности Писания. Слушание соединяет личный призыв и послушание с тем фактом, что истина открывается во времени; зрение же дает увидеть весь путь целиком и позволяет найти свое место в великом божьем замысле, без такого видения мы располагали бы лишь изолированными фрагментами в неведении целого.

30. Связь между видением и слушанием как орудиями веропознания проявляется с максимальной ясностью в Евангелии от Иоанна. Для четвертого Евангелия верить – значит слушать и в то же время видеть. Слушание веры происходит благодаря форме познания, присущей любви: это личное слушание, оно различает и узнает голос Доброго Пастыря (ср. Ин 10,3-5); именно слушание

тая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска *filosof* требует следовать ему, как происходит с первыми учениками, которые «услышав от него сии слова, пошли за Иисусом» (Ин 1,37). Однако вера также связана с видением. Подчас видение знамений Иисуса предшествует вере, так было с иудеями, которые после воскресения Лазаря «увидев, что сотворил Иисус, уверовали в Него» (Ин 11,45). Иной раз сама вера приводит к видению более возвышенному: «будешь веровать, увидишь славу Божию» (Ин 11,40). В итоге верить и видеть переплетаются: «верующий в Меня [...] верует в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня» (Ин 12,44-45). Благодаря этому единству со слушанием, видение приводит к следованию за Христом, и вера проявляется как путь взгляда, в котором очи привыкают созерцать горнее. Так случилось ранним утром Пасхи с Иоанном, который еще в темноте, перед пустой гробницей, «увидел, и уверовал» (Ин 20,8); и с Марией Магдалиной, которая уже «увидела Иисуса» (ср. Ин 20,14) и хотела прикоснуться к нему, но была призвана созерцать его восходящим к Отцу, что и привело к окончательному исповеданию Магдалиной перед учениками: «я видела Господа!» (Ин 20,18).

Как мы достигаем этого синтеза слушания и видения? Это оказывается возможным, исходя из самой личности Иисуса, созерцаемого и слушаемого. Он – Слово, ставшее плотью, чью славу мы видели (ср. Ин 1,14). Свет веры – это свет Лица, в котором прозревается Отец. Ибо истина, приобретаемая верой, как следует из четвертого Евангелия, это Отец, явленный в Сыне, в его плоти и его земных делах, истина, которую можно определить как «сияющая жизнь» Иисуса.[24] Это означает, что веропознание не призывает разыскивать истину исключительно сокровенную. Средоточием истины, которую вера открывает нам, является встреча со Христом, созерцание его жизни, ощущение его присутствия. В этом смысле св. Фома Аквинский говорит об *oculata fides* Апостолов (зрячей вере, прим. пер.) – вере, которая видит! – перед явлением Воскресшего во плоти.[25] Они видели Иисуса воскресшего своими глазами и уверовали, то есть сумели проникнуть в глубину того, что видят, исповедуя Сына Божия, сидящего одесную Отца.

31. Только так, через Воплощение, оттого, что он разделил с нами человеческую природу, его осознание собственной любви смогло достичь полноты. Свет любви вспыхивает, когда затронута сердце, ибо так мы ощущаем присутствие возлюбленного в нашей душе и так он позволяет нам познать его тайну. Понятно, в таком случае, почему наряду со слушанием и видением, по св. Иоанну, вера – это прикосновение, как он говорит в своем первом Послании: «Что мы слышали, что видели своими очами, [...] и что осязали руки наши, о Слове жизни» (1 Ин 1,1). Своим Воплощением, своим пришествием к нам, Иисус коснулся нас и через Таинства прикасается также и сегодня; преображая тем самым наше сердце, он позволил нам и ныне позволяет узнать его и исповедовать как Сына Божия. С верой мы можем осязать его и получать силу его благодати. Св. Августин, комментируя отрывок о кровоточивой, которая прикоснулась к Иисусу, чтобы исцелиться (ср. Лк 8,45-46), говорит: «Касаться сердцем, вот что значит верить».[26] Окружающая толпа не достигает его личным касанием веры, которое признает его тайну, его природу Сына, являющего Отца. Только уподобляясь Иисусу, мы получаем надлежащее зрение, чтобы увидеть его.

Диалог между верой и разумом

32. Поскольку христианская вера провозглашает истину всеобъемлющей любви Бога и позволяет открыться могуществу этой любви, она касается глубочайших основ жизни каждого человека, который появляется на свет благодаря любви и призван к любви, чтобы остаться в свете. Побуждаемые желанием осветить всю реальность исходя из любви Бога, явленной в Иисусе, взыскав любить той же любовью, первые христиане находят в греческом мире, жаждущем истины, достойного партнера для диалога. Встреча евангельской вести с философской мыслью античного мира стала решающей для того, чтобы Евангелие достигло всех народов, а вера и разум направляли друг друга, и эта связь крепла веками, с тех пор и до наших дней. Блаженный Иоанн Павел II в своей энциклике *Fides et ratio* показал, как вера и разум взаимно укрепляют друг друга.[27] Обретая свет, исполненный любовью Иисуса, мы обнаруживаем, что в каждой нашей любви присутствует отблеск того света, и понимаем, в чем ее предназначение. В то же время тот факт, что наша любовь несет в себе свет, помогает нам увидеть путь любви к полноте высшего дара самопожертвования Сына Божия за нас. И так, проходя по кругу, свет веры озаряет все

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философические отношения, которые могут быть пережиты в единении со сладостной любовью Христа.

33. В жизни св. Августина мы находим прекрасный образец того пути, на котором поиск разума с его жаждой истины и ясности интегрирован в горизонты веры, где он приобретает новый смысл. С одной стороны, он вбирает в себя греческую философию света с ее опорой на видение. Его знакомство с неоплатонической философией дало ему возможность глубоко осознать идею света, нисходящего свыше, чтобы освещать мироздание, и являющегося, таким образом, символом Бога. Так св. Августин постиг божественную трансцендентность и открыл, что всякая вещь может нести в себе частицу того сияния и служить отражением Божественной доброты, Блага. Это позволило ему избавиться от манихейской доктрины, приверженцем которой он поначалу был, и под ее влиянием склонялся к концепции, что добро и зло непрестанно сражаются между собой, соединяясь и смешиваясь без определенных границ. Понимание того, что Бог есть свет, дало ему новый ориентир существования, а именно – способность различить то зло, в коем он был виновен, и обратиться к добру.

С другой стороны, в случае св. Августина, о чем он сам рассказывает в своей Исповеди, решающим на пути его веры стал не период созерцания Бога, обитающего за пределами этого мира, но скорее момент слушания, когда в саду, услышав голос, говорящий ему: «Возьми и читай», он взял том Посланий св. Павла, остановившись на тринадцатой главе Послания к Римлянам.[28] Именно так открывал себя личностный* Бог Библии, способный говорить с человеком, жить с ним и сопровождать его на пути истории, являя свое присутствие в моменты слушания и ответствования.

* (Бог-личность, прим. пер.)

Однако эта встреча с Богом Слова не заставила св. Августина отказаться от света и видения. Он соединил обе перспективы, непрестанно движимый откровением любви Бога в Иисусе. Так он выработал философию света, содержащую в себе взаимность, свойственную слову, и открывающую простор свободе взгляда, направленного к свету. Как на слово следует свободный ответ, так свет находит в качестве ответа образ, отражающий его. В силу этого св. Августин, связывая слушание и видение, мог сослаться на «изнутри сияющее слово».[29] Тем самым, свет становится, так сказать, светом некоего слова, поскольку он есть свет ипостасного Лица, тот свет, что, озаряя, нас призывает и стремится отразиться на нашем лице, чтобы заблестать внутри нас. Кроме того, желание видеть все мироздание, а не только фрагменты истории, не иссякает и, как утверждает Гиппонский святой, наконец исполнится, когда человек увидит и возлюбит.[30] И это не потому, что он сумеет завладеть всем светом, который веки неисчерпаем, а потому что сам целиком и полностью сопричтется свету.

34. Свет любви, присущий вере, способен внести ясность в те затруднения, которые наше время испытывает с истиной. Сегодня истина нередко сводится к частному субъективному мнению, имеющему значение только для отдельного человека. Истина же всеобщая внушает нам страх, поскольку подобна для нас установлению диктатуры. Однако если эта истина – достояние любви, если она открыта встрече с Другим и другими*, то она свободна от субъективной изоляции и может способствовать общему благу. По своей принадлежности любви это не та истина, что насаждается силой, не та, что призвана подавить отдельного человека. Рожденная любовью, она способна достичь сердца, проникнуть во внутренний мир каждой личности. Из этого следует, что вера не является нетерпимой, но растет в сосуществовании и уважении к другим. Тот, кто верит, не спесив, напротив, истина делает его смиренным, ведь нам доподлинно известно: скорее это не мы обладаем истиной, а она объемлет нас и завладевает нами. Не очерствляя душу, твердость веры толкает нас в путь и дает возможность свидетельствовать и вступать в диалог со всеми.

* (т.е. критерий по настоящему всеобщей истины – открытость Богу и другим людям, прим. пер.)

тая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

Оттого, что свет веры связан с истиной любви, он нисколько не чужд материальному миру, так как любовь всегда обитает в душе и теле; свет веры – это свет воплощенный, исходящий от сияющей жизни Иисуса. Он также озаряет и материю, опирается на ее порядок, признавая в ней путь гармонии и неограниченного познания. Для научного взгляда вера, таким образом, благодетельна: она призывает ученого оставаться открытым реальности во всем ее неисчерпаемом богатстве. Вера пробуждает критическое чувство, так как не дает поиску удовлетвориться однажды найденной формулой и помогает понять, что природа, не смотря ни на что, окажется величественней. Приглашая к изумлению перед тайной мироздания, вера расширяет горизонты разума, отчего мир, открытый научному познанию, получает больше света.

Вера и поиск Бога

35. Свет веры в Иисусе также освещает дорогу всем тем, кто ищет Бога, и он является вкладом христианского учения в диалог с последователями различных религий. Послание к Евреям говорит нам о свидетельстве праведных, которые с верой искали Бога еще до завета с Авраамом. О Енохе сказано: «он получил свидетельство, что угодил Богу» (Евр 11,5), без веры вещь немислимая, «ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздаст» (Евр 11,6). Отсюда мы понимаем, что путь человека верующего проходит через исповедание Бога, который о нем заботится, и найти которого не невозможно. Чем еще может воздать Бог ищущему его, как не позволить встретиться с Собой? Еще раньше мы находим фигуру Авеля, вера которого была достохвальна, и из-за нее Бог призрел на его дары, приношение первородных его стада (ср. Евр 11,4). Верующий человек старается распознать знаки Бога в повседневной жизни, в смене сезонов, в плодородии земли и во всем движении космоса. Бог исполнен света и может быть обретен теми, кто ищет его с искренним сердцем.

Образец этого поиска – Волхвы, ведомые звездой к Вифлеему (ср. Мф 2,1–12). Свет Бога проявляется для них как путь, как путеводная звезда на дороге открытий. Звезда свидетельствует о терпимости Бога к нашим глазам, которые должны привыкнуть к его сиянию. Верующий находится в пути и должен быть готов оказаться ведомым, чтобы, выйдя из своих пределов, обнаружить Бога, неизменно повергающего в трепет. Это уважение Бога к человеческому зрению показывает нам, что, когда человек приближается к Нему, свет человеческий не рассеивается в сияющей беспредельности Бога, как звезда, поглощаемая рассветом, но становится тем ярче, чем ближе он к изначальному огню, как зеркало, отражающее его блеск. Христианское исповедание Иисуса, единственного Спасителя, утверждает, что весь свет Бога сконцентрировался в Нем, в его «сияющем житии», в котором открывается начало и конец истории. [31] Нет никакого человеческого опыта, никакого пути к Богу, который не был бы принят, озарен и очищен этим светом. Чем больше христианин погружается в открытый круг света Христова, тем больше он способен понять каждого человека, идущего к Богу, и сопутствовать ему.

Вера, понимаемая как путь, касается и тех людей, кто хотя и не верит, желает верить и не прекращает поисков. В той мере, в какой они открываются любви с искренним сердцем и устремляются туда, где находят свет, они уже пребывают, хотя и не сознавая этого, на дороге к вере. Они стараются поступать так, как если бы Бог существовал, иногда потому, что признают его эффективность для стабилизации общественной жизни, или когда им требуется свет во мраке, а так же, чувствуя, как велика и прекрасна жизнь, они догадываются, что присутствие Бога сделало бы ее еще более великой. Св. Иреней Лионский сообщает, что Авраам, прежде чем услышал голос Бога, уже искал его «в пылкой жажде своего сердца» и «прошел весь мир, спрашивая себя где же Бог», пока «Бог не сжалился над тем, кто один искал его в молчании». [32] Встающий на путь добра уже приближается к Богу, уже опирается на его поддержку, потому что когда мы движемся к полноте любви, сила божественного света дает нам зрение.

Вера и богословие

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof

36. Поскольку вера – это свет, в нее требуется погрузиться, чтобы тщательнее исследовать освещаемые ею горизонты и полнее осознать, что именно мы любим. Из этого желания рождается христианское богословие. В таком случае очевидно, что теология невозможна без веры и что она свойственна самому процессу веры, ищущей более глубокого понимания откровения Бога, достигающего кульминации в Тайне Христа. Из этого следует, в первую очередь, что поиск и познание в богословии не сводятся исключительно к усилиям разума, как в случае экспериментальных наук. Бог не может быть сведен к объекту. Он – субъект, что дает себя познать и проявляется именно как личность в отношениях с личностью. Правоверие направляет разум, для того, чтобы он открылся свету, исходящему от Бога, и ведомый любовью к истине, мог все глубже познавать Бога. Великие наставники и теологи Средневековья справедливо утверждали, что богословие как наука о вере есть участие в том знании, которое Бог имеет о себе самом. Теология, следовательно, не только слово о Боге, но главным образом принятие и поиск более глубокого понимания того слова, которое Бог обращает к нам, слова, открываемого Им о самом себе, ибо оно есть общение, вечный диалог, и он позволяет человеку в этот диалог вступить. [33] Так богословие приобщается к смирению, позволяя Богу «коснуться» себя, дабы, признав перед лицом тайны свою ограниченность, исследовать, с дисциплиной, присущей разуму, непостижимое богатство этой Тайны.

При этом теология участвует в церковной форме [исповедания] веры, ее свет – это свет верующего субъекта, который есть Церковь. Что требует, с одной стороны, чтобы теология находилась на службе христианской веры, смиренно заботясь о сохранении и углублении веры всех людей, в особенности самых простых. Кроме того, богословие, питаемое верой, воспринимает учительство Верховного Понтифика и епископов, находящихся в общении с ним, не как нечто для себя постороннее, ограничение своей свободы, а, наоборот, как один из своих неотъемлемых элементов, ключевой, поскольку Учительство укрепляет связь с изначальным источником и тем самым обеспечивает уверенность в том, что Слово Христово черпается во всей чистоте.

Глава третья

Я преподал вам,

что и [сам] принял

(ср.1 Кор 15,3)

Церковь, мать нашей веры

37. Кто открылся любви Бога, вслушивался в его голос и обрел его свет, не может держать этот дар при себе. Поскольку вера есть слушание и видение, она передается, в свою очередь, как слово и как свет. Обращаясь к коринфянам, апостол Павел использовал эту пару образов. С одной стороны, он заявляет: «Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим» (2 Кор 4,13). Слово полученное становится ответом – исповеданием и потому отзывается в других, побуждая их веровать. С другой стороны, св. Павел прибегает и к образу света: «Как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ» (2 Кор 3,18). Речь идет о свете, который, исходя от лика, отражается на лицах, как Моисей нес в самом себе отражение славы Бога после того как говорил с Ним: «[Бог] озарил наши сердца, дабы просветить [нас] познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор 4,6). Свет Иисуса, словно в зеркале, сияет на лицах христиан и так он распространяется, так достигает нас, дабы мы тоже могли приобщиться этому видению и передавать его свет другим, как в Пасхальной литургии от огня большой свечи загораются бесчисленные свечи. Вера передается, так сказать, в контактной форме, от человека к человеку, как пламя, зажженное другим пламенем. Христиане в нищете своей насаждают столь плодотворное семя, что оно становится могучим деревом, способным наполнить мир плодами.

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof
38. Передача веры, чей свет предназначен всем людям на земле, происходит также по оси времени, из поколения в поколение. Так как вера рождается от встречи, вписанной в историю, и освещает наш путь во времени, она передается в веках. По непрерывной цепочке свидетельств лик Иисуса доходит до нас. Как такое возможно? Откуда у нас эта уверенность, что спустя столетия мы воспринимаем «истинного Иисуса»? Будь человек полностью обособленным индивидуумом, предпочитай мы зависеть только от себя в поиске подтверждения своему знанию, у нас не было бы такой уверенности. Сам по себе я не способен увидеть то, что случилось в столь отдаленную от меня эпоху. Тем не менее для человеческого познания этот способ не единственный. Человек всегда живет в отношениях. Он происходит от других, другим принадлежит, его жизнь становится более значительной от встречи с другими. И даже самоидентификация, знание о самих себе, имеет природу отношений – оно связано с другими, теми, кто предшествовал нам: прежде всего, это наши родители, давшие нам жизнь и имя. Сама речь, слова, которыми мы интерпретируем свою жизнь и свои отношения, приходят к нам через других людей, хранятся в их живой памяти. Наше самосознание возможно только когда мы приобретаем к памяти более великой. Точно так же происходит с верой, ведущей к полноте человеческого познания. Прошлое веры, тот акт любви Иисуса, что произвел в мире новую жизнь, доходит до нас в памяти других, свидетелей, продолжая жить в этом уникальном субъекте памяти, каким является Церковь. Церковь – это Мать, которая учит нас говорить на языке веры. Св. Иоанн подчеркивает этот аспект веры в своем Евангелии, объединяя вместе веру и память и связывая их с действием Святого Духа, который, как говорит Иисус, «напомнит вам все» (Ин 14,26). Любовь, которая есть Дух, пребывающий в Церкви, связывает собой все времена и делает нас современниками Иисуса, сама становясь проводником на пути нашей веры.

39. Поодиночке верить невозможно. Вера не является всего лишь фундаментальным выбором, который верующий совершает в глубине души; она не приводит к обособленным отношениям между верным «я» и божественным «Ты», между независимым субъектом и Богом. По своей природе, она открывается в «мы», всегда рождается внутри общины Церкви. Об этом нам напоминает диалогическая форма Символа веры, употребляемого в литургии Крещения. Вера выражается в ответе на призыв, на слово, которое должно быть услышано и оно исходит не от меня, поэтому и вовлекает непосредственно в диалог; не может быть подлинного исповедания, рожденного в одиночку. Дать ответ от первого лица – «верую», можно только принадлежа к великой общине, только потому, что одновременно произносится также «веруем». И эта открытость церковному «мы» происходит из той открытости, что свойственна любви Бога, которая не сводится к отношениям между Отцом и Сыном, между «я» и «ты», но в Духе также существует упомянутое «мы», то есть общность личностей. Вот почему тот, кто верит, никогда не одинок, и для веры характерно распространяться, вовлекая других в собственную радость. Кто принимает веру, обнаруживает, что пространство его «я» расширяется и в нем зарождаются новые отношения, обогащающие жизнь. Тертуллиан наглядно проиллюстрировал этот факт, говоря об оглашенном, что после купели нового рождения он принят в дом Матери, чтобы простерев руки молиться вместе с братьями «Отче наш», как введенный в новую семью. [34]

Таинства и передача веры

40. Церковь, как всякая семья, передает детям содержание своей памяти. Как ничего при этом не упустить, а, наоборот, передать наследие веры во всей его глубине? Через Апостольскую Традицию в Церкви, при поддержке Святого Духа, мы находимся в живом соприкосновении с основополагающей памятью. «Переданное Апостолами, – как утверждает Второй Ватиканский Собор, – объемлет всё то, что помогает народу Божию вести святую жизнь и умножать веру; и таким образом Церковь в своем учении, жизни и богослужении непрерывно сохраняет и передаёт всем поколениям всё то, чем она является, всё то, во что она верует». [35]

Ибо вера нуждается в таком месте, где она могла бы провозглашаться и сообщаться, и это место должно быть подобающим и сообразным тому, что сообщается. Для передачи в чистом виде доктринального содержания или идеи хватило бы, пожалуй, одной книги или устного повторения вести. Но то, что сообщается в Церкви, то, что передается ее живой Традицией, это новый свет,

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска *filosof* рождающийся от встречи с живым Богом, свет, проникающий в недра личности, в сердце, затрагивая ее ум, волю и чувства, открывая ее живым отношениям в союзе с Богом и другими людьми. И чтобы передать это во всей полноте, существует особое средство, вовлекающее всю личность, тело и дух, внутренний мир и взаимоотношения. Это средство – Таинства, совершаемые в литургии Церкви. В них передается память воплощенная, связанная с местом и временем, в них личность, будучи членом живого субъекта, вовлечена в совокупность общинных отношений. Поэтому если Таинства – это действительно Таинства веры, [36] следует сказать, что вера имеет сакраментальную структуру. Обновление веры происходит через обновленное восприятие таинства жизни человека и человеческого бытия, демонстрируя как зримо и материально они открываются вечной тайне.

41. Передача веры происходит в первую очередь в Крещении. Могло бы показаться, что Крещение – только некий символический способ исповедания веры, педагогический акт, предназначенный для тех, кто нуждается в образах и жестах, но без которого, в конечном счете, можно было и обойтись. Одна фраза св. Павла о Крещении убеждает нас, что это не так. Ибо он настаивает, что «мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим 6,4). Через Крещение мы поставляемся в новое творение и [достоинство] названных чад Божиих. Апостол утверждает затем, что христианин вверяет себя некоему «образу учения» (*typos didaches*), которому послушен сердцем (ср. Рим 6,17). То есть в Крещении человек принимает также доктрину, которую следует исповедовать, и особый образ жизни, вовлекающий всю его личность целиком и направляющий ее ко благу. Он переносится в новую среду, вверяется новой среде, новому общему образу действия в Церкви. Крещение напоминает нам, что вера – не занятие обособленного индивидуума, не поступок, совершаемый человеком в расчете лишь на собственные силы, но она приобретает через вступление в церковную общину, передающую дар Божий: никто сам себя не крестит, как никто из самого себя не приходит в бытие. Мы крещены.

42. Каковы же крещальные элементы, вводящие нас в этот новый «образ учения»? Прежде всего, на оглашенного призывается имя Троицы: Отца, Сына и Святого Духа. Следовательно, с самого начала дается формула пути веры. Бог, призвавший Авраама и пожелавший называться его Богом, Бог, открывший свое имя Моисею, Бог, который отдал нам своего Сына, полностью открыв тем самым тайну своего Имени, дает крещаемому новую сыновнюю сущность. И здесь обнаруживается смысл действия, совершаемого в крещении, а именно, погружение в воду – одновременно символ смерти, призывающий нас, пройдя через обращение собственного «я», открыться своему более великому «я», но она же и символ жизни, лона в котором мы рождаемся, следуя Христу в его новом бытии. Так, через погружение в воду, Крещение говорит нам, что вера имеет структуру воплощения. Поступок Христа напрямую касается нашей собственной реальности, в корне преображая нас, соделывая названными чадами Божьими, соучастниками божественной природы, ибо изменяет все наши отношения, нашу неповторимую участь в мире и в космосе, открывая ее для жизни в богообщении. Эта динамика преображающего движения, свойственная Крещению, побуждает нас осознать всю важность оглашения, которое сегодня приобретает особое значение для новой евангелизации, в том числе в обществах с древними христианскими корнями, где растет число взрослых, приступающих к таинству крещения.

Для понимания взаимосвязи между Крещением и верой, обратим внимание на высказывание пророка Исаяи, которое древняя христианская литература относит к Крещению: «Убежище его – неприступные скалы; [...] вода у него не иссякнет» (Ис 33,16). [37] крещаемый, спасенный из воды смерти, может встать ногами на «неприступной скале», поскольку обрел крепость, на которую может опереться. Таким образом, вода смерти превратилась в воду жизни. Греческий текст описывал ее как воду *pistos*, то есть воду «верную». Вода Крещения верная, потому что ей мы можем довериться, так как ее поток увлекает нас во всемогущество любви Иисуса, источник безопасности на пути нашей жизни.

43. Архитектоника крещения, его подобие новому рождению, в коем мы получаем новое имя и новую жизнь, помогает нам понять смысл и важность крещения младенцев. Ребенок не может совершить свободный акт принятия веры, еще не способен исповедовать ее самостоятельно, и именно поэтому она исповедуется

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof его родителями и крестными от его имени. Вера, проживаемая внутри общины Церкви, включена в общее «мы». Поэтому ребенок может получить поддержку других, его родителей и крестных, и может быть принят в их вере, которая есть вера Церкви, символизируемая тем светом, что зажигает отец от пасхальной свечи в ходе литургии крещения. Эта структура крещения демонстрирует важность совместных усилий Церкви и семьи для передачи веры. По словам св. Августина, родители призваны не только дать детям жизнь, но привести их к Богу, дабы, посредством крещения они, родившись заново как чада Божии, получили дар веры. [38] Таким образом, вместе с жизнью они дают им фундаментальный ориентир бытия и уверенность в благом будущем, ориентир, который впоследствии будет скреплен в Таинстве миропомазания печатью Святого Духа.

44. Таинственная природа веры достигает своей вершины в Евхаристии. Она является драгоценной пищей веры, встречей со Христом, реально присутствующим посредством высшего акта любви, дарования самого Себя, порождающего жизнь. В Евхаристии пересекаются две оси, по которым вера вершит свой путь. С одной стороны, движение по оси истории: ибо Евхаристия есть акт памяти, актуализация тайны, в которой прошлое, как событие смерти и воскресения, обнаруживает свою способность открывать будущее, предвосхитить финальную полноту. Литургия напоминает нам об этом своим *hodie*, «ныне*» тайн спасения. С другой стороны, здесь же проходит ось, ведущая мир видимый к незримому. В Евхаристии мы научаемся видеть горнее. Хлеб и вино пресуществляются в тело и кровь Христа, что делает его присутствующим на его пасхальном пути к Отцу: это движение вводит нас, телом и душой, в движение всего мироздания к полноте в Боге.

* (букв. днесь – сегодня, прим. пер.)

45. В совершении Таинств Церковь передает свою память преимущественно через исповедание веры. И оно не подразумевает лишь согласие с набором абстрактных истин. Наоборот, в исповедании веры всякая жизнь вступает на путь к полному единению с живым Богом. Можно сказать, что в Символе веры (в *Credo* – «Верую», лат. – прим. пер.) человек верующий призывается войти в тайну того, что он исповедует, и позволить себя преобразить тому, что исповедует. Чтобы понять смысл этого утверждения, задумаемся прежде всего о содержании *Credo*. В нем присутствует тринитарная структура: Отец и Сын сочетаются в Духе любви. Таким образом, верующий утверждает, что центр бытия, высшая тайна всех вещей состоит в богообщении. Кроме того, Кредо заключает в себе также христологическое исповедание: оно обозревает тайны жизни Иисуса, вплоть до его Смерти, Воскресения и Вознесения на небеса, до грядущего пришествия во славе. Можно заключить, что это богообщение, взаимный обмен любовью в Духе между Отцом и Сыном, способно объять историю человека и ввести его в свой динамизм общения, который берет начало в Отце и в нем же имеет свою конечную цель. Исповедующий веру вовлекается в ту истину, которую исповедует. Не может поистине произнести слова символа "Верую" тот, кто сам при этом не преобразуется, не погружается в историю любви, которая охватывает его, раздвигает границы существования и делает участником огромной общины, главного субъекта, провозглашающего "Верую", то есть Церкви. Все истины, в которые веруют, возвещают тайну новой жизни веры как пути общения с живым Богом.

Вера, молитва и Декалог

46. Для верной передачи памяти Церкви выделяются еще два существенных элемента. В первую очередь, молитва Господня, «Отче наш». В ней христианин причащается духовного опыта самого Христа и учится видеть Его очами. Беря пример с Того, кто есть Свет от Света, с Единородного Сына Отца, мы также познаем Бога и можем зажечь в других желание приблизиться к Нему.

Кроме того, большую важность имеет связь между верой и Декалогом. Вера, как мы говорили, приобретает как путь, другими словами, она – дорога, которую надо пройти, открытая навстречу Богу живому. Вот почему в свете веры и полного доверия Богу Спасителю Декалог обладает своей высшей истинностью, сосредоточенной во вступлении к десяти заповедям: «Я Господь, Бог твой,

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философский который вывел тебя из земли Египетской» (Исх 20,2). Декалог является не набором негативных предписаний, но конкретным указанием для выхода из пустыни самодостаточного «я», замкнутого в самом себе, ибо, когда мы вступаем с Богом в диалог, его милосердие объемлет нас, чтобы мы распространили его на других. Так вера исповедует любовь Бога, источник и опору всякой вещи, и приводится в движение этой любовью, чтобы идти к полноте единения с Богом. Декалог предстает как путь благодарности, ответ любви, который становится возможен, поскольку в вере мы открыты воздействию преобразующей любви Бога. И этот путь является в новом свете благодаря тому, о чем учит в Нагорной проповеди Иисус (ср. Мф 5-7).

Итак, я затронул четыре элемента, составляющих сокровище памяти, передаваемое Церковью: Исповедание веры, совершение Таинств, путь Декалога, молитва. Вокруг них традиционно строится поучение Церкви, включая Катехизис Католической Церкви – мощный инструмент той объединяющей деятельности, посредством которой Церковь сообщает совокупность доктрины веры Церкви, «все, что она есть, все, во что она верует». [39]

Единство и целостность веры

47. Единство Церкви во времени и пространстве связано с единством веры: «Одно тело и один дух, [...] одна вера» (Еф 4, 4-5). Сегодня можно увидеть объединение людей, связанных общим делом, обоюдной любовью, одной судьбой или общими замыслами. Но нам весьма непросто вообразить аналогичное единение в истине. Кажется, что единство такого рода противоречит свободомыслию и независимости субъекта. Опыт любви указывает нам, однако, что в ней самой может быть дано общее мирозерцание, что в ней мы учимся смотреть на мир глазами другого, и это ничуть не обедняет нас, но делает наши взгляды на жизнь богаче. Подлинная любовь, равно как и любовь божественная, требует истины, и в общем взгляде на истину, которая есть Иисус Христос, она обретает прочность и глубину. В этом заключается также радость веры, единомыслие в едином теле и в едином Духе. В этом смысле св. Лев Великий мог утверждать: «Если вера не едина, это не вера». [40]

Каков секрет этого единства? Вера едина в первую очередь вследствие единства Бога, которого мы признаем и исповедуем. Все элементы веры соотносятся с Ним, они суть пути, дабы познать его сущность и его деяния, и потому обладают единством, превосходящим все, что мы способны вообразить, единством, которое обогащает нас, поскольку нам сообщается, делая нас «одним».

Вера едина еще и потому, что она обращается к единому Господу, к жизни Иисуса, к его реальной истории, разделяемой с нами. Св. Иреней Лионский пояснил это в возражении еретикам-гностикам. Они признавали существование двух типов веры, а именно: вера грубая, вера простых людей, несовершенная, которая остается на уровне тела Христова и созерцания его тайн, и другой тип веры – более высокий и совершенный, а именно вера истинная, предназначенная узкому кругу посвященных, возвысившихся умом над плотью Христа к тайнам неведомой божественности. Перед подобным высокомерием, сохраняющим свою притягательность и своих последователей и по сей день, св. Иреней настаивает, что есть только одна вера, потому что она всегда движется по специфическому пути Воплощения, никогда не минуя тела и истории Христа, поскольку Бог полностью пожелал в ней открыться. Вследствие чего нет никакой разницы в вере того, «кто весьма силен в слове» и того, кто «немогущ в говорении», между обладающим большими и меньшими способностями: и как первый не сделает веру «обширнее», так второй «не нанесет ей ущерба». [41]

Наконец, вера едина, потому что разделяема всей Церковью, которая есть единое тело и единый Дух. В причастности к единому субъекту, который есть Церковь, мы получаем общее мирозерцание. Исповедуя одну и ту же веру, опираясь на ту же скалу, мы, преобразенные тем же Духом любви, излучаем единый свет и обладаем единым взглядом, пронизывающим реальность.

тая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof 48. Поскольку вера едина, она должна исповедоваться во всей чистоте и цельности. Именно потому, что все составляющие веры связаны воедино, отрицать один из них, даже, казалось бы, наименее важный – то же самое, что разрушить всё. В любую эпоху есть такие аспекты веры, воспринять которые бывает проще или сложнее: поэтому и важно бдительно следить за целостной передачей веры (ср. 1 Тим 6,20), поэтому и уместно настаивать на всех аспектах ее исповедания. Ведь поскольку единство веры означает единство Церкви, отнять что-либо у веры – значит разрушить подлинность [божественного] общения. Отцы изображали единое тело веры, тело истины, как имеющее разные члены, по аналогии с телом Христа и его продолжением в Церкви.[42] Чистота веры связана также с образом Церкви-девы, обрученной Христу и верной своей любви: извращать веру – означает разрушать общение с Господом.[43] Единство веры, следовательно, подобно единству живого организма, как справедливо утверждает блаженный Джон Генри Ньюмен, отмечая в числе ее характеристик непрерывность доктрины во времени и причисляя к ним способность ассимилировать все, что она встречает в тех местах, где присутствует, и культурах среди которых вращается,[44] все очищая и используя для своего наилучшего выражения. Таким образом, вера показывает себя универсальной, католической, так как свет ее возрастает, чтобы наполнить весь мир и всю историю.

49. Максимально способствуя единству веры и ради ее целостной передачи, Господь вручил Церкви дар апостольского преемства. Через него обеспечивается непрерывность памяти Церкви, а с нею уверенность, что мы прибегаем к чистому источнику, из которого и проистекает вера. Достоверность этой связи с истоком обеспечивается, следовательно, живыми людьми, что соответствует, по сути, живой вере, передаваемой Церковью. Эта подлинность зиждется на Господних свидетелях, избранных им для этой задачи. Поэтому Учительство всегда говорит в послушании изначальному Слову, на которое опирается вера, и заслуживает доверия, поскольку вверяется Слову, которому внимлет, которое сохраняет и толкует.[45] Св. Павел, обращаясь в Милите к пресвитерам Эфеса с прощальным словом, как передает св. Лука в Деяниях Апостолов, утверждает, что исполнил служение, вверенное ему Господом – возвещать всю волю Божию (ср. Деян 20, 27). Эта воля безо всякого повреждения может достичь и нас посредством Учительства Церкви, а вместе с ней – радость исполнять ее во всей полноте.

Глава четвертая

Бог готовит им город

(ср. Ев 11,16)

Вера и общее благо

50. Обозревая историю Патриархов и праведников Ветхого Завета, Послание к евреям подчеркивает исключительный аспект их веры. Она здесь не только уподобляется пути, но также сродни строительству, подготовке места, где один человек мог бы обитать вместе с другими. Первый же строитель – Ной, который в ковчеге сумел спасти свою семью (ср. Евр 11,7). Затем появляется Авраам, о котором сказано, что он «ради веры» оставался жить в шатре, ожидая града, который будет основан на твердом фундаменте (ср. Евр 11,9-10). Получается, что в связи с верой возникает некое новое упование, новая крепость, даровать которую может один только Бог. Если человек веры полагается на Бога истинного, Бога верного (ср. Ис 65,16) и оттого сам делается крепким, мы можем добавить, что крепость веры тоже принадлежит граду, который Бог готовит для человека. Вера открывает, насколько прочными могут быть узы между людьми, когда сам Бог присутствует среди них. Речь здесь идет даже не о внутренней стойкости, твердой убежденности верующего; но вера озаряет и самые близкие отношения, поскольку вырастает из любви и следует динамике любви Божией. Это Бог, заслуживающий доверия, дает людям град надежный.

51. Благодаря своей связи с любовью (ср. Гал 5,6), свет веры поистине служит справедливости, законности и миру. Вера возникает из встречи с

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философичной изначально любовью Бога, в которой обретаются смысл и благо нашей жизни, она озаряется по мере того, как входит в деятельную силу, открытую этой любовью, ибо становится путем и практикой в ее полноте. Свет веры придает богатство человеческим отношениям, а именно – способность к постоянству, обоюдному доверию, возможность развивать общественную жизнь. Вера не устраняется от мира, не избегает специфики, актуальной для человека нашей эпохи. Если исчезает заслуживающая доверия любовь, ничто не в силах сохранить единство меж людьми. В таком случае их единение мыслимо лишь будучи основанным на пользе, общей выгоде, страхе, но не на даре совместной жизни, не на радости, которую может вызвать одно лишь присутствие другого человека. Вера дает понимание структуры человеческих отношений, так как полагает их высшее основание и судьбу в Боге и его любви, отсюда постигается искусство строить, поставленное на службу общему благу. Да, вера является благом для всех, это общее благо, ее свет сияет не только внутри Церкви и полезен для созидания грядущего вечного града, но она помогает нам устраивать наше общество так, чтобы оно двигалось в будущее, исполненное надежды. Послание к Евреям подает пример такого рода связи, когда среди мужей веры упоминаются, в частности, Самуил и Давид, которым вера позволяет «творить правду» (Евр 11,33). Это выражение относится здесь к их справедливости в правлении, к мудрости, доставляющей народу мир (ср. 1 Сам 12,3-5; 2 Сам 8,15). Руки веры воздеты к небу, но они же и созидают в милосердной любви град, крепнущий отношениями, фундаментом которых служит любовь Бога.

Вера и семья

52. Говоря о пути Авраама к будущему граду, Послание к Евреям вкратце упоминает благословение, передаваемое от отцов к детям (ср. Евр 11, 20–21). Семья – то место человеческого общества, что просвещается верой в первую очередь. Я подразумеваю, прежде всего, прочный союз мужчины и женщины в браке. Он рождается из их любви, как знака и присутствия любви Божией, из понимания и принятия того, что различие полов есть благо, в силу которого супруги могут соединиться в одну плоть (ср. Быт 2,24) и благодаря чему способны дать начало новой жизни как проявлению доброты Творца, его мудрости и промысла его любви. Утвержденные в этой любви, мужчина и женщина могут дать обещание любить друг друга и впредь, и подобное обязательство затрагивает все сферы жизни, отмечая их знаком веры. Обещать любовь навсегда возможно, когда открывается замысел более великий, чем собственные планы, который поддерживает нас и позволяет посвятить все будущее любимому человеку. В дальнейшем вера помогает принять во всем величии и богатстве рождение детей, поскольку дает возможность увидеть в нем творящую любовь, подающую и вверяющую нам тайну новой личности. Так и Сара по вере своей стала матерью, полагаясь на верность Бога и его обетование (ср. Евр 11,11).

53. Вера в семье сопутствует всякому возрасту, начиная с самого детства: дети учатся полагаться на любовь своих родителей. Поэтому важно, чтобы родители культивировали в семье общие практики веры, что способствует созреванию веры у детей. Ведь в первую очередь молодые люди, которые переживают крайне сложный и насыщенный период своей жизни, когда вера подвергается наибольшему испытанию, для ее созревания должны почувствовать близость и внимание семьи и церковной общины. Все мы видели, какую радость веры демонстрировали молодые люди в ходе всемирного Дня Молодежи, их ревностное стремление жить верой более крепкой и усердной. Молодежь горячо стремится к выдающейся жизни. Встреча со Христом, с его любовью, что захватывает и направляет, расширяя горизонты бытия, дает им твердую надежду, которая не обманет. Вера не есть убежище для людей, лишенных мужества, но расширение жизни. Она позволяет нам открыть великое призвание, а именно – призвание к любви, и убеждает нас, что эта любовь заслуживает доверия и стоит того, чтобы на нее положиться, так как ее фундамент – в верности Бога, которая крепче любой нашей слабости.

Свет для общественной жизни

54. Воспринятая и глубоко усвоенная в семье, вера становится светом, просвещающим все социальные связи. Изведав отцовство Бога и Его милосердие, она простирается затем на путь братских отношений. В «современную эпоху»

птая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философ предпринимаются попытки построить всеобщее братство среди людей, опираясь на их равенство. Однако мало-помалу мы уразумели, что это братство, не объединенное общим Отцом в качестве высшего основания, не может существовать. Итак, необходимо вернуться к подлинным корням братства. История веры от самого ее начала стала историей братских отношений, хотя и была не лишена конфликтов. Бог призвал Авраама выйти из своей земли и обещал сделать его великим племенем, великим народом, на котором почиет божественное Благословение (Быт 12,1-3). На протяжении истории спасения человек осознаёт, что Бог желает всех, как братьев, сделать причастными единого благословения, чья полнота обретается в Иисусе, дабы все стали одно. Неисчерпаемая любовь Отца сообщается нам в Иисусе также через присутствие брата. Вера учит нас видеть в каждом человеке благословение для себя, свет лика Божия озаряет меня от братского лика.

Сколько пользы приносит граду человеческому взгляд христианской веры на общественную жизнь! Благодаря вере мы познали уникальное достоинство каждой личности, которое в прежние времена не было столь очевидно. Во втором столетии язычник Цельс упрекал христиан в том, что казалось ему заблуждением и ложью: полагать, что Бог сотворил мир для человека, поставив его над всем универсумом. Поэтому он вопрошает: «Зачем говорить, будто [трава] растет для людей в большей степени, чем для самых диких зверей, лишенных разума?»[46] «Если мы посмотрим на землю с небесной высоты, какова будет разница между делами человека и тем, чем заняты муравьи и пчелы?»[47] Средоточием библейской веры является личная любовь Бога, его реальное попечение о каждом человеке, его спасительный промысел, объемлющий все человечество и все творение и достигающий кульминации в Воплощении, Смерти и Воскресении Иисуса Христа. Когда эта реальность помрачается, исчезают критерии, позволяющие различить, что же делает жизнь человека драгоценной и уникальной. Он не находит своего места во вселенной, теряется в природе, отказываясь от моральной ответственности либо претендуя на то, чтобы быть абсолютным арбитром, наделяет самого себя неограниченной властью манипуляций.

55. Кроме того, вера, открывая нам любовь Создателя, побуждает нас больше заботиться о природе, обнаруживая в ней грамматику, написанную Им самим и обитель, вверенную нам, чтобы возделывать и оберегать ее; она помогает найти модели развития, основанные не на одной только пользе и выгоде, но почитающие творение за дар, которого мы все являемся должниками, и учит нас определять справедливые формы правления, признавая власть, исходящую от Бога, дабы служить общему благу. Вера также дает возможность прощать, а это нужно делать неоднократно, что требует усилий, терпения и усердия; прощение возможно, когда становится ясно, что добро всегда изначальное и сильнее зла, и слово, которым Бог утверждает нашу жизнь превышает всех наших отрицаний. Впрочем, даже с точки зрения исключительно антропологической, единство сильнее конфликта; и хотя нам также приходится брать на себя бремя борьбы, но в ходе противостояния мы должны приходить к урегулированию, преодолению, преобразению его в звено цепи, приводящей к единству.

С ослаблением веры существует опасность того, что придут в упадок сами основы жизни, как напоминает поэт Т.С. Элиот: «Вам важно быть приличными людьми. / А если я скажу, что этот навик / Навряд ли дольше веры проживет / Которая его снабдила смыслом?»[48] Если мы изгоняем из нашего града веру в Бога, ослабевают доверие между нами, только страх удерживает нас вместе, и стабильность оказывается под угрозой. В Послании к Евреям мы читаем: «Бог не стыдится их, называя себя их Богом: ибо Он приготовил им город» (Евр 11,16). Само выражение «не стыдится» связано с публичным признанием. Речь идет о том, что Бог возвещает публично, конкретными поступками, свое присутствие среди нас, свое намерение сделать прочными отношения между людьми. Возможно, это мы стыдимся назвать Бога нашим Богом? Быть может, это нам не свойственно признавать его Богом в публичной жизни, или мы не предполагаем, что эта общественная жизнь, которую он сам сделал возможной, имеет какое-то значение? Вера озаряет социальную жизнь, она сама обладает созидательным светом в каждый новый момент истории оттого, что помещает все события в отношении с источником и с общей судьбой в любящем нас Отце.

Утешительная сила в страдании

56. Св. Павел, напоминая христианам Коринфа о собственных лишениях и страданиях, связывает свою веру с проповедью Евангелия. Так как говорит, что в нем исполняется фраза из Писания: «я веровал и потому говорил» (2 Кор 4,13). Апостол ссылается на отрывок из Псалма 116, где псалмопевец восклицает: «Я веровал, и потому говорил: я сильно сокрушен» (ст. 10). Зачастую, когда мы говорим о вере, речь также идет о мучительных испытаниях, но именно в них св. Павел видит наиболее убедительное провозглашение Евангельской вести, так как в слабости и боли обнаруживается и являет себя сила Бога, что превышает наших немощей и скорбей. Апостол сам находится в смертельной ситуации, которая для христиан претворяется в жизнь (2 Кор. 4,7-12). В час испытаний вера просвещает нас, в страдании и слабости поистине открывается: «Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа» (2 Кор 4,5). Глава 11 Послания к Евреям завершается упоминанием о тех, кто пострадал за веру, среди них особое место занимает Моисей, принявший на себя Христово поношение (ср. ст. 26). Христианин знает, что страдание неизбежно, но оно может приобрести смысл, сделаться актом любви, преданием себя в руки Бога, который не оставляет нас и, таким образом, стать периодом преумножения веры и любви. Созерцая единение Христа с Отцом, в том числе в момент наивысшего страдания на кресте (ср. Мк 15,34), христианин учится приобщаться к взгляду самого Иисуса. Более того, даже смерть озаряется и тоже может быть пережита как последний зов веры, последний приказ: «пойди из земли твоей» (Быт 12,1), последнее «прииди!», произнесенное Отцом, которому мы предаемся с доверием, чтобы Он укрепил нас в решающий момент.

57. Свет веры не ведет нас к забвению страданий мира. Сколько мужи и жены веры узрели ее свет в страдающих людях! Таким был прокаженный для св. Франциска Ассизского, такими были бедняки для бл. Терезы Калькуттской. Святые ощутили тайну, сокрытую в них. Приблизившись к ним, святые не исцелили их от страданий и не смогли исчерпывающе объяснить, за что им посланы скорби. Свет веры не рассеивает наш сумрак целиком, но как лампа освещает нашу тропинку в ночи, и этого хватает, чтобы идти дальше. Страдающему человеку Бог посылает не рассуждение, которое бы всё объяснило, Он отвечает Своим присутствием, историей добра, соединенной со всякой историей страдания и открывающей в ней скважину для света. Во Христе Сам Бог восхотел разделить с нами этот путь и в Своем взгляде даровать нам свет. Христос, претерпев боль, стал «начальником и совершителем веры» (Евр.12,2).

Страдание напоминает нам, что служение веры общему благу – это всегда служение надежды, устремившей взор вперед, зная, что только в Боге, в будущем, исходящем от Воскресшего Иисуса, может наше общество найти твердые и долговечные основы. В этом смысле вера идет рука об руку с надеждой, ибо хотя земной наш дом, эта хижина, разрушается, мы имеем жилище вечное, которое Бог открыл во Христе, в теле Его (2 Кор. 4,16-5,5). Так динамика веры, надежды и любви (1 Фес. 1,3; 1 Кор.13,13) позволяет нам собрать воедино заботы всех людей на пути к городу, «которого художник и строитель Бог» (Евр.11,10), потому что «надежда не постыжает» (Рим. 5,5).

В единстве с верой и любовью надежда указывает нам верное будущее, расположенное в иной перспективе по сравнению с идолами мира, но дающее импульс и новую силу для повседневной жизни. Не дадим украсть у нас надежду, не позволим сделать ее банальной с помощью быстрых решений и предложений, разрушающих сам путь, «фрагментирующих» время, превращая его в пространство. Время всегда выше пространства. Пространство кристаллизует все процессы; а время направляет нас к будущему и побуждает идти с надеждой. (Франциск)

Блаженна уверовавшая (Лк 1,45)

58. В притче о сеятеле св. Лука передает слова, которыми Иисус объясняет выражение «добрая земля»: «те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк 8,15). В контексте евангелия от Луки упоминание о сердце чистом и добром в связи со Словом услышанным и хранимым является намеком на веру Девы Марии. Тот же

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философ-евангелист говорит нам о памяти Марии, как она хранила в своем сердце все, что видела и слышала, чтобы Слово приносило плод в ее жизни. Мать Господа – это совершенная икона веры, как скажет о ней св. Елизавета: «Блаженна уверовавшая» (Лк 1,45).

59. В Марии, дочери Сиона, завершилась долгая история веры Ветхого Завета, повествующая о многих верующих женах, начиная с Сары, женах, бывших наряду с Патриархами, почвой, где исполнялось обетование Бога и зарождалась новая жизнь. В полноте времен Слово Божие обращено к Марии и было воспринято ею всем существом, всем сердцем, дабы в ней загустеть плотью и родиться светом для людей. У св. Иустина Мученика в его Диалоге с Трифоном есть прекрасное выражение, он говорит, что Мария, приняв послание от Ангела, зачала «веру и радость». [49] Ибо в Матери Иисуса была явлена вера полная плодов, и когда наша духовная жизнь дает плоды, мы преисполняемся радостью, видя в этом яснейший знак величия веры. Мария в своей жизни совершила паломничество веры, следуя за своим Сыном. [50] Таким образом, в ней путь веры Ветхого Завета возвышается, становясь следованием за Иисусом и преображается Им, через погружение в собственное зрение воплощенного Сына Божия.

Можно сказать, что в Блаженной Деве исполняется то, на чем мы останавливались выше, а именно – верующий полностью вовлекается в исповедание своей веры. Узы, соединяющие Марию с Иисусом, тесно связывают ее с тем, во что мы веруем. В девственном зачатии Марии нам дан блистательный знак божественного сыновства Христа. Вечный исток Христа пребывает в Отце, коего он Сын в полном и исключительном смысле слова, поэтому рождается во времени без вмешательства мужчины. Как Сын Иисус может принести в мир новое начало и новый свет, полноту истиной любви Бога, дарующего себя людям. С другой стороны, подлинное материнство Марии гарантирует Сыну Бога подлинно человеческую историю и реальную плоть, в которой он умрет на кресте и воскреснет из мертвых. Мария будет сопровождать его вплоть до креста (ср. Ин19,25), где ее материнство прострется на всех учеников ее Сына (ср. Ин19,26-27). Она будет присутствовать также и в горнице после Воскресения и Вознесения Иисуса, вымаливая вместе с Апостолами дар Святого Духа (ср. Деян 1,14). Импульс любви, проходящий между Отцом и Сыном в Духе, пронизывает нашу историю; и Христос влечет нас к Себе, чтобы спасти (ср. Ин12,32). В центре веры находится исповедание Иисуса, Сына Божия, рожденного от женщины, который через дар Святого Духа вводит нас в достоинство названных чад [Божиих] (ср. Гал 4,4-6).

60. К Марии, матери Церкви и веры нашей, обращаемся мы в молитве.

Помоги, о Мать, нашей вере!

Открой наш слух для Слова, дабы мы вняли голосу Бога и Его призыву.

Пробуди в нас желание следовать по его стопам, выйдя из своей земли и приемля его обетование.

Помоги нам, дабы его любовь коснулась нас, да сумеем к Нему прикоснуться верой.

Помоги нам, дабы мы совершенно препоручили Ему себя и вверились его любви, особенно в годину страданий и креста, когда вера наша призвана к возмужанию. Воспламени в нашей вере радость Воскресшего.

Дай нам помнить, что верующий вовеки не одинок.

Научи нас взирать очами Христа, дабы на нашем пути Он соделался светом; и дабы этот свет веры всегда возрастал в нас, пока не настанет тот день незакатный, который есть сам Христос, Сын твой, Господь наш!

Примечание переводчика

Текст энциклики на официальном сайте Ватикана изначально представлен в
Страница 23

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска filosof
нескольких языковых версиях. Однако лингвистический анализ показал, что оригиналом является именно текст латинский. И тот факт, что Бенедикт XVI свободно владеет латынью, свидетельствует в пользу того, что Папа выбрал именно этот язык для выражения своей богословской мысли. Затем энциклика была переведена на итальянский, и уже с него делались все остальные переводы. Из того, что мы смогли оценить, тексты итальянский, немецкий и французский идентичны между собой. Английский перевод заметно редуцирован и по глубине уступает перечисленным версиям. При этом между текстом латинским и итальянским существуют серьезные отличия в нюансах, есть случаи вовсе иного смысла.

Документ на латыни предельно содержателен и ясен и не содержит нечетких, обобщенных формулировок, проскальзывающих в других версиях. Поэтому при переводе на русский язык мы ориентировались, прежде всего, на латинский текст, и в случае разночтений выбор делался в пользу латыни.

Энциклика *Lumen Fidei* имеет монолитную структуру, поэтому вставки, сделанные в текст преемником Папы Бенедикта, очевидны как стилистически, так и по своему выпадению из общего хода мысли. Франциску принадлежат параграфы №7 и 57, а также вставка в параграф №5. Так как эти вставки разрывают связный и законченный контекст, они представлены в переводе другим шрифтом.

Таким образом, русский перевод соответствует латинскому оригиналу, за исключением параграфов Франциска, которые переводились с испанского.

www.papst.pro

Библиографические ссылки

[1] *Dialogus cum Tryphone Iudaeo*, 121, 2: PG 6, 758.

[2] *Clemens Alexandrinus, Protrepticus*, IX: PG 8, 195.

[3] *Brief an Elisabeth Nietzsche (11 Iunii 1865)*, in: *werke in drei Banden*, Munchen 1954, 953s.

[4] *Paradisus*, XXIV, 145-147: *Ioannis de Serravalle, Translatio et commentum totius libri Dantis Aligherii*, Prati 1891, 1106.

[5] *Acta Sanctorum*, Iunii, I, 21.

[6] «*Si Concilium de fide nominatim non disserit, de ea singulis in paginis loquitur, cuius vitalem ac supernaturalem naturam novit, eandem integram et fortem putat et super eam suas doctrinas aedificat. Conciliares sententias memorare sufficit [...], ut intellegatur praecipuum momentum, quod Concilium, doctrinae Ecclesiae traditioni conveniens, fidei tribuit, verae fidei, illi quae Christum habet fontem et canalem Ecclesiae Magisterium*» (*Paulus VI, Audientia generalis [8 Martii 1967]: Insegnamenti, V [1967], 705*).

[7] Cp. ex. gr. *Conc. Oecum. Vat. I, Const. dogm. de fide catholica Dei Filius*, cap. III: DS 3008-3020; *Conc. Oecum. Vat. II, Cost. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum*, 5; *Catechismus Catholicae Ecclesiae*, 153-165.

птая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

[8] Cp. Catechesis V, 1: PG 33, 505A.

[9] In Psal. 32, II, s. I, 9: PL 36, 284.

[10] M. Buber, Die Erzählungen der Chassidim, Zurich 1949, 793.

[11] Emile, Paris 1966, 387.

[12] Lettre a Christophe de Beaumont, Lausanne 1993, 110.

[13] Cp. In Ioh. Evang., 45, 9: PL 35, 1722-1723.

[14] Pars II, IV.

[15] De continentia, 4, 11: PL 40, 356.

[16] Vom wesen katholischer weltanschauung (1923), in: Unterscheidung des Christlichen. Gesammelte Studien 1923-1963, Mainz 1963, 24.

[17] XI, 30, 40: PL 32, 825.

[18] Cp. ibid., 825-826.

[19] Cp. Vermischte Bemerkungen / Culture and Value, G.H. von Wright (a cura di), Oxford 1991, 32-33; 61-64.

[20] Homiliae in Evangelia, II, 27, 4: PL 76, 1207.

[21] Cp. Expositio super Cantica Canticorum, XVIII, 88: CCL, Continuatio Mediaevalis 87, 67.

[22] Ibid., XIX, 90: CCL, Continuatio Mediaevalis 87, 69.

[23] « Deo revelanti praestanda est "oboeditio fidei" (Rom 16, 26; Cp. Rom 1,5; 2 Cor 10,5-6), qua homo se totum libere Deo committit "plenum revelanti Deo intellectus et voluntatis obsequium" praestando et voluntarie Revelationi ab eo datae assentiendo. Quae fides ut praebeatur, opus est praeveniente et adjuvante gratia Dei et internis Spiritus Sancti auxiliis, qui cor moveat et in Deum convertat, mentis oculos aperiat, et det "omnibus suavitatem in consentiando et credendo veritati". Quo vero profundior usque evadat Revelationis intelligentia, idem Spiritus Sanctus fidem iugiter per dona sua perficit» (Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 5).

[24] Cp. H. Schlier, Meditationen uber den Johanneischen Begriff der Wahrheit, in: Besinnung auf das Neue Testament. Exegetische Aufsätze und Vorträge 2, Freiburg, Basel, Wien 1959, 272.

[25] Cp. S. Th. III, q. 55, a. 2, ad 1.

[26] Sermo 229/L, 2: PLS 2, 576.

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

[27] Cp. Litt. enc. Fides et ratio (14 Septembris 1998), 73: AAS (1999), 61-62.

[28] Cp. Confessiones, VIII, 12, 29: PL 32, 762.

[29] De Trinitate, XV, 11, 20: PL 42, 1071.

[30] Cp. De civitate Dei, XXII, 30, 5: PL 41, 804.

[31] Cp. Congregatio pro Doctrina Fidei, Decl. Dominus Iesus (6 Augusti 2000), 15: AAS 92 (2000), 756.

[32] Demonstratio apostolicae praedicationis, 24: SC 406, 117.

[33] Cp. S. Bonaventura, Breviloquium, Prolog.: Opera omnia, V, Quaracchi 1891, 201; In I Sent., prooem., q. 1, resp.: Opera Omnia, I, Quaracchi 1891, 7; S. Thomas Aquinas, S. Th. I, q. 1.

[34] Cp. De Baptismo, 20, 5: CCL 1, 295.

[35] Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 8.

[36] Cp. Conc. Oecum. Vat. II, Const. de sacra Liturgia Sacrosanctum Concilium, 59.

[37] Cp. Epistula Barnabae, 11, 5: SC 172, 162.

[38] Cp. De nuptiis et concupiscentia, I, 4, 5: PL 44, 413: "Habent quippe intentionem generandi regenerandos, ut qui ex eis saeculi filii nascuntur in Dei filios renascantur".

[39] Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 8.

[40] In nativitate Domini sermo 4, 6: SC 22, 110.

[41] Cp. Adversus haereses, I, 10, 2: SC 264, 160.

[42] Cp. ibid., II, 27, 1: SC 294, 264.

[43] Cp. S. Augustinus Hipponensis, De sancta virginitate, 48, 48: PL 40, 424-425: « Servatur et in fide inviolata quaedam castitas virginalis, qua Ecclesia uni viro virgo casta cooptatur ».

[44] Cp. An Essay on the Development of Christian Doctrine, Uniform Edition: Longmans, Green and Company, London, 1868-1881, 185-189.

[45] Cp. Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 10.

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

[46] Origenes, *Contra Celsum*, IV, 75: SC 136, 372.

[47] *Ibid.*, 85: SC 136, 394.

[48] "Choruses from The Rock" in: *The Collected Poems and Plays 1909-1950*, New York 1980, 106.

[49] Cp. *Dialogus cum Tryphone Iudaeo*, 100, 5: PG 6,710.

[50] Cp. *Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de Ecclesia Lumen gentium*, 58.

СНОСКИ

1

Dialogus cum Tryphone Iudaeo, 121, 2: PG 6, 758.

2

Clemens Alexandrinus, *Protrepticus*, IX: PG 8, 195.

3

Brief an Elisabeth Nietzsche (11 Iunii 1865), in: *werke in drei Banden*, Munchen 1954, 953s.

4

Paradisus, XXIV, 145-147: Ioahannis de Serravalle, *Translatio et commentum totius libri Dantis Aligherii*, Prati 1891, 1106.

5

Acta Sanctorum, Iunii, I, 21.

6

«Si Concilium de fide nominatim non disserit, de ea singulis in paginis loquitur, cuius vitalem ac supernaturalem naturam novit, eandem integram et fortem putat et super eam suas doctrinas aedificat. Conciliares sententias memorare sufficit [...], ut intellegatur praecipuum momentum, quod Concilium, doctrinae Ecclesiae traditioni conveniens, fidei tribuit, verae fidei, illi quae Christum habet fontem et canalem Ecclesiae Magisterium » (Paulus VI, *Audientia generalis* [8 Martii 1967]: *Insegnamenti*, V [1967], 705).

7

Cp. ex. gr. *Conc. Oecum. Vat. I, Const. dogm. de fide catholica Dei Filius*, cap. III: DS 3008-3020; *Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum*, 5; *Catechismus Catholicae Ecclesiae*, 153-165.

8

Cp. *Catechesis V*, 1: PG 33, 505A.

9

In *Psal. 32*, II, s. I, 9: PL 36, 284.

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

10

M. Buber, Die Erzählungen der Chassidim, Zurich 1949, 793.

11

Emile, Paris 1966, 387.

12

Lettre a Christophe de Beaumont, Lausanne 1993, 110.

13

Ср. In Ioh. Evang., 45, 9: PL 35, 1722-1723.

14

Pars II, IV.

15

De continentia, 4, 11: PL 40, 356.

16

Vom wesen katholischer weltanschauung (1923), in: Unterscheidung des Christlichen. Gesammelte Studien 1923-1963, Mainz 1963, 24.

17

XI, 30, 40: PL 32, 825.

18

Ср. ibid., 825-826.

19

Ср. Vermischte Bemerkungen / Culture and Value, G.H. von wright (a cura di), Oxford 1991, 32-33; 61-64.

20

Homiliae in Evangelia, II, 27, 4: PL 76, 1207.

21

Ср. Expositio super Cantica Canticorum, XVIII, 88: CCL, Continuatio Mediaevalis 87, 67.

22

Ibid., XIX, 90: CCL, Continuatio Mediaevalis 87, 69.

23

птая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

«Deo revelanti praestanda est "oboeditio fidei" (Rom 16, 26; Cp. Rom 1,5; 2 Cor 10,5-6), qua homo se totum libere Deo committit "plenum revelanti Deo intellectus et voluntatis obsequium" praestando et voluntarie Revelationi ab eo datae assentiendo. Quae fides ut praebetur, opus est praeveniente et adjuvante gratia Dei et internis Spiritus Sancti auxiliis, qui cor moveat et in Deum convertat, mentis oculos aperiatur, et det "omnibus suavitatem in consentiendo et credendo veritati". Quo vero profundior usque evadat Revelationis intelligentia, idem Spiritus Sanctus fidem iugiter per dona sua perficit» (Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 5).

24

Cp. H. Schlier, Meditationen über den Johanneischen Begriff der Wahrheit, in: Besinnung auf das Neue Testament. Exegetische Aufsätze und Vorträge 2, Freiburg, Basel, Wien 1959, 272.

25

Cp. S. Th. III, q. 55, a. 2, ad 1.

26

Sermo 229/L, 2: PLS 2, 576.

27

Cp. Litt. enc. Fides et ratio (14 Septembris 1998), 73: AAS (1999), 61-62.

28

Cp. Confessiones, VIII, 12, 29: PL 32, 762.

29

De Trinitate, XV, 11, 20: PL 42, 1071.

30

Cp. De civitate Dei, XXII, 30, 5: PL 41, 804.

31

Cp. Congregatio pro Doctrina Fidei, Decl. Dominus Iesus (6 Augusti 2000), 15: AAS 92 (2000), 756.

32

Demonstratio apostolicae praedicationis, 24: SC 406, 117.

33

Cp. S. Bonaventura, Breviloquium, Prolog.: Opera omnia, V, Quaracchi 1891, 201; In I Sent., proem., q. 1, resp.: Opera Omnia, I, Quaracchi 1891, 7; S. Thomas Aquinas, S. Th. I, q. 1.

34

Cp. De Baptismo, 20, 5: CCL 1, 295.

тая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа

35

Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 8.

36

Ср. Conc. Oecum. Vat. II, Const. de sacra Liturgia Sacrosanctum Concilium, 59.

37

Ср. Epistula Barnabae, 11, 5: SC 172, 162.

38

Ср. De nuptiis et concupiscentia, I, 4, 5: PL 44, 413: "Habent quippe intentionem generandi regenerandos, ut qui ex eis saeculi filii nascuntur in Dei filios renascant

39

Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 8.

40

In nativitate Domini sermo 4, 6: SC 22, 110.

41

Ср. Adversus haereses, I, 10, 2: SC 264, 160.

42

Ср. ibid., II, 27, 1: SC 294, 264.

43

Ср. S. Augustinus Hipponensis, De sancta virginitate, 48, 48: PL 40, 424-425: « servatur et in fide inviolata quaedam castitas virginalis, qua Ecclesia uni viro virgo casta cooptatur ».

44

Ср. An Essay on the Development of Christian Doctrine, Uniform Edition: Longmans, Green and Company, London, 1868-1881, 185-189.

45

Ср. Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de divina Revelatione Dei Verbum, 10.

46

Origenes, Contra Celsum, IV, 75: SC 136, 372.

47

ртая энциклика Бенедикта XVI, подписанная его преемником. Она же первая энциклика Франциска философа
Ibid., 85: SC 136, 394.

48

"Choruses from The Rock" in: The Collected Poems and Plays 1909-1950, New York 1980, 106.

49

Ср. Dialogus cum Tryphone Iudaeo, 100, 5: PG 6,710.

50

Ср. Conc. Oecum. Vat. II, Const. dogm. de Ecclesia Lumen gentium, 58.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!